

Теория и практика уголовного
права и уголовного процесса

Николай Исаев

**Сексуальные преступления
как объект криминологии**

«Юридический центр»

2007

ББК 67.408

Исаев Н. А.

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса
/ Н. А. Исаев — «Юридический центр», 2007 — (Теория и
практика уголовного права и уголовного процесса)

ISBN 978-5-94201-521-3

ББК 67.408

ISBN 978-5-94201-521-3

© Исаев Н. А., 2007
© Юридический центр, 2007

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Н. А. Исаев

СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИИ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Николай Алексеевич Исаев
Сексуальные преступления
как объект криминологии
Серия «Теория и практика уголовного
права и уголовного процесса»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11284163

*Сексуальные преступления как объект криминологии: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс»; СПб.; 2007
ISBN 978-5-94201-521-3*

Аннотация

Работа посвящена междисциплинарному криминологическому анализу проблем сексуальных преступлений. В центре внимания автора – культурально-криминологические и социально-психологические особенности указанных преступлений, их исторически-правовой и сравнительно-правовой анализ. Особое место отводится преступлениям, связанным с феноменами порнографии и проституции. Предлагается авторская концепция типологии личности сексуального преступника. Большое внимание уделяется вопросам профилактики сексуальных преступлений. Приводятся материалы комплексных экспертных исследований.

Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, криминологов, юридических психологов, судебных психиатров, а также всех интересующихся современными проблемами криминологических исследований.

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
1.1. Социально-правовые нормы и криминальное сексуальное поведение	9
1.2. Взаимосвязь аномальных и криминальных форм сексуального поведения – «парафильная триада»	23
1.3. Девиантное и криминальное поведение в аспекте системных исследований	31
Глава 2	45
2.1. Методологические основы системного сравнительного исследования	45
2.2. Регуляция сексуального поведения в обществах традиционного типа	54
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Николай Алексеевич Исаев

Сексуальные преступления

как объект криминологии

© Н. А. Исаев, 2007

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007

Предисловие

Представление этой книги я хотел бы начать с достаточно распространенного утверждения о том, что криминологическая обстановка, особенно в части насильственной и сексуальной преступности, в России весьма неблагоприятна. Достаточно сказать, что уровень насильственной преступности в стране в 2–3 раза превышает соответствующий уровень в западных странах в расчете на единицу населения. Неблагополучно положение и в области сексуальной преступности, причем не только насильственной ее части. На состояние этого вида преступности большое влияние оказывают неблагоприятные социальные факторы, в том числе связанные с алкоголизацией и наркотизацией населения, ростом проституции и порнографии. На фоне ослабления деятельности правоохранительных органов по обеспечению высокого уровня нравственности в обществе и неэффективности институтов гражданского общества можно ожидать ухудшения криминологической ситуации и с насильственной, и с сексуальной преступностью.

В последние годы появилось немало криминологических работ, посвященных насильственному и сексуальному преступному поведению. Эти работы чаще всего принадлежат перу либо криминологов, либо судебных психиатров. В то же время очень мало таких исследований, в которых соединялись бы и юридические, и психиатрические, и психологические аспекты.

Предлагаемая вниманию читателей книга Н. А. Исаева «Сексуальные преступления как объект криминологического исследования» – достаточно уникальное произведение, в котором удачно сочетаются результаты криминологических, уголовно-правовых, психологических и психиатрических исследований, выполненных автором на высоком профессиональном уровне. И это совсем неудивительно, поскольку он обладает и медицинским, и юридическим образованием, в течение многих лет интенсивно осуществляет эмпирические криминологические исследования. Его перу принадлежат многочисленные работы в области судебной психиатрии, сексологии и криминологии, которые получили одобрение и поддержку среди ученых соответствующих специальностей. На мой взгляд, автор принадлежит к числу ведущих криминальных сексологов страны.

В книге представлены обширный эмпирический материал, множество конкретных примеров, которые удачно иллюстрируют и доказывают положения и выводы, приводимые автором. Эти исследования были проведены им в качестве криминолога и судебного психиатра.

В монографии Н. А. Исаева предпринята удачная попытка системного охвата наиболее важных проблем в области изучения сексуальных преступлений, проведено сравнительное исследование социально-правовой регуляции сексуального поведения, дан уголовно-правовой и криминологический анализ преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, рассмотрены такие малоизученные в науке явления, как порнография и проституция.

Вполне обоснованно, что работу завершает раздел, посвященный проблемам профилактики сексуальных преступлений. Соответствующая профилактическая деятельность, конечно, чрезвычайно сложна, и в связи с этим исследователю порой трудно устоять перед соблазном высказать тривиальные мысли по поводу путей и средств противодействия сексуальным преступлениям. Содержащиеся в этой книге предложения и рекомендации предупредительного характера научно выверены и научно обоснованы, при этом автор опирается на те выводы и положения, к которым пришел сам или которые почерпнул из заслуживающей доверия литературы.

Труд Н. А. Исаева, безусловно, будет с интересом встречен научными и практическими работниками. Думается, имеющиеся в работе предложения по изменению законодательства заслуживают внимания, и я настойчиво бы рекомендовал внедрить их в уголовное законодательство. Эти предложения и рекомендации основаны не на досужих размышлениях, а на конкретном и достоверном материале.

Можно выразить уверенность в том, что эта книга будет с интересом встречена всеми, кто интересуется вопросами сексуальной преступности и обеспокоен ростом ее уровня в нашей стране.

Доктор юридических наук,

профессор, заслуженный деятель науки РФ Ю. М. Антонян

Глава 1

Системный подход к изучению девиантного и криминального сексуального поведения

«...Человеческая совесть не всегда и не везде одинакова, почти всегда она есть прямое следствие образа жизни данного общества, данного климата и географии... только истинная мудрость должна помочь нам занять разумную среднюю позицию между экстравагантностью и химерами и выработать в себе кодекс поведения, который и будет отвечать как нашим потребностям и наклонностям, данным нам природой, так и законам страны, где нам выпало жить».

Маркиз Донасьен Альфонс Франсуа де Сад

1.1. Социально-правовые нормы и криминальное сексуальное поведение

Многообразие взглядов на предмет человеческой сексуальности нашло отражение в развитии новой научной дисциплины – сексологии. Несмотря на это сексуальность как предмет исследования остается иррелевантной по своей сути, поскольку, как отмечает английский социолог Э. Гидденс, «с одной стороны, она является всеохватывающим, с другой стороны – сущностно частным делом».¹ Частный характер сексуального поведения применительно к правовой регуляции проявляется в соотношении правовой охраны неприкосновенности и половой свободы личности; право выступает как гарант свободы человеческого поведения, но в определенных рамках, устанавливаемых социальными нормами.

Другой проблемной ситуацией оказывается стремительный рост знаний в области человеческой сексуальности и трудности их междисциплинарной реализации в юридических науках,² в частности в области исследования криминального сексуального поведения.

Известный исследователь Г. Блумер отмечал, что основная проблема разрыва между теоретическими и прикладными исследованиями в общественных дисциплинах базируется на «отсутствии четко определенных понятий, которые являются важным предварительным условием научного развития»³. К числу наиболее сложных понятий относятся нормы сексуального поведения и сексуальных отношений, так как в данной области человеческого бытия происходит сложное переплетение морально-нравственных, культуральных, религиозных, научных и других подходов.

Анализ правовых и других социальных норм регуляции всего многообразия сексуального поведения – чрезвычайно сложен и противоречив. Так, в медицинских моделях норма объясняется через патологию, а патология – через норму, образуя таким образом порочный круг интерпретаций. Нормы морали и нормы физиологии, нормы права и нормы психоло-

---

¹ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб., Питер, 2004. – С. 30.

² Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология / Под ред. Ю. М. Антоняна. – М., Спарк, 1999. – С. 3.

³ Blumer H. Der methodologische Standort des Symbolischen Interactionismus // Alltagswissen, Interaction und gesellschaftliche Wirklichkeit / Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen (Hg.). Bd. 1: Symbolischer Interactionismus und Ethnomethodologie. – Reinbeck, 1973. – P. 34.

гии несут в себе различные системы отсчета, и сопоставление их возможно только в рамках системного подхода. Кроме того, границы нормативности и отклонений в проявлении сексуального поведения обусловлены социокультуральными особенностями, изменчивы в историческом времени и неоднородны в пространственно-территориальном аспекте.⁴ Г. Б. Дерягин справедливо отмечает: «В определении сексуальной нормы, принятой в конкретном обществе, необходим междисциплинарный подход, и здесь, по нашему мнению, нельзя ориентироваться на логику отдельных интеллектуалов из-за того, что она может отличаться от взглядов большинства членов общества».⁵ Он предлагает ввести понятие «условной нормы» как «искусственного соединения популярных и научных воззрений».⁶ На наш взгляд, такое понятие, как «условная норма», вполне допустимо в естественных науках, но не может использоваться в области права. Особенно четко должны быть сформулированы общие критерии, характеризующие криминальное сексуальное поведение.

Понятие нормы в основном базируется на трех категориях – должного в области морали и права, среднестатистического в социологических исследованиях и процессов адаптации применительно к медико-биологическим наукам.

Понятие нормы и нормативности, с одной стороны, представляет способ существования и функционирования культуры, с другой – является формой ее проявления. Нормативное бытие личности, общества и культуры осуществляется в трех формах, выполняющих различные функции, – в нормах, нормировании и нормативах. Под нормами в целом понимается общепринятое правило, образец, эталон или стандарт поведения, действующий в сфере данной нормативной системы.⁷ Норма представляет собой долженствование (запрет, разрешение, уполномочивание), но проявляется она только в рамках интерпретирующего сознания. Таким образом, с позиций модальной логики норма относится к модальности долженствования, или деонтической модальности, как универсальной категории суждения о мире, выступая в трех формах: разрешенного, запрещенного или должного.⁸ Для рассмотрения возможности соотношения норм, ценностей и рациональности необходимо отметить существование еще двух модальностей – аксиологической, или оценочной, в которую входят понятия хорошего, плохого и безразличного, и алетической, с разделением на необходимое, возможное и невозможное.⁹ Следует отметить, что различные системы отсчета обусловлены, прежде всего, использованием разных модальных категорий. Так, нормы морали относятся к аксиологической модальности и отражают представления о хорошем и плохом, добре и зле и т. д., нормы права могут рассматриваться только в деонтической модальности, научные нормы относятся к категории алетического. При этом следует учитывать, что категории необходимого и должного или должного и хорошего не всегда совпадают.

Нормирование представляет собой процесс воплощения норм в поведении и, соответственно, является и феноменом человеческого сознания, и социальной практикой.¹⁰

Норматив есть результат процесса нормирования, результат какой-либо деятельности.

Термин «девиантное поведение» отражает социальную характеристику, которая, в свою очередь, является производной от многих других и поэтому с трудом поддается четкой дефиниции в области половых отношений. Так, поведение с точки зрения морали в отклоняющемся варианте аморально, в плане нравственности – безнравственно, исходя из традиций

---

⁴ Имелинский К. Сексология и сексопатология. – М., Медицина, 1986. – С. 23–25.

⁵ Дерягин Г. Б. Судебно-медицинские аспекты полового насилия на европейском Севере России. Дис... докт. мед. наук. – Архангельск, 2002. – С. 116.

⁶ Там же. – С. 116–117.

⁷ Современный словарь иностранных слов. – М., Русский язык, 1993. – С. 414.

⁸ Вригт Г. Логико-философские исследования. – М., Прогресс, 1986. – С. 92–97.

⁹ Ивин А. А. Основания логики оценок. – М., Просвещение, 1971. – С. 17–43.

¹⁰ Шнейдер В. Б. Коммуникация, нормативность, логика. – Екатеринбург, 2002. – С. 164–165.

и обычаев конкретного общества, оно получает название нетрадиционного. Учитывая данные научных сексологических исследований, об аномальном поведении говорят тогда, когда оно не вкладывается в медицинские стандарты и нормы. В биологии такие отклоняющиеся формы сексуального поведения, не направленные на репродуктивные функции, называются противоестественными. Соответственно критериев нормативности поведения может существовать огромное множество, и, чтобы подойти к проблеме систематики отклоняющегося поведения, следует рассматривать его с позиций общего знаменателя, характеризующего ту или иную культуру в целом. Условно можно выделить три таких критерия: целесообразность – направленность на цель; ценность – направленность на субъективные, эмоциональные или духовные ценности, и рациональность – направленность на разумную обоснованность.

Девиантные формы сексуального поведения как область систематического научного изучения сформировались относительно недавно в рамках самостоятельной научной дисциплины – девиантологии, где основные исследования проводятся в русле социологии и психологии девиантности и социального контроля. Однако очерченный данной научной областью круг проблем и вопросы, стоящие перед ней, имеют свою длительную историю развития.

В общем виде социальные нормы представляют собой нормы регуляции поведения и социального контроля над этим поведением. Социальные нормы или правила воплощают в себе требования государства и общества к поведению отдельной личности или социальной группе в процессе их взаимоотношений как между собой, так и с социальными структурами более высокого порядка – отдельными социальными институтами и обществом в целом.

Как разновидности социальных норм выступают нормы права, которые в целом характеризуются рядом специфических особенностей:

- 1) социальные нормы санкционированы государством;
- 2) носят наиболее упорядоченный характер;
- 3) являются общеобязательным правилом поведения;
- 4) отражают волю и интересы всего общества.¹¹

Сравнивая различные правовые нормы, регулирующие определенные стороны социальных отношений, в частности нормы уголовного права в области сексуальных отношений, в различных правовых системах, прежде всего, следует исходить из понимания нормы права как элементарной единицы в системе права. Тогда анализ или сравнение можно проводить как в единстве структуры – формы – содержания, так и по каждой составляющей в отдельности в лингвистическом аспекте, логическом анализе и семантической или смысловой оценке.

Анализируя юридические нормы для возможности сравнительного анализа всего разнообразия форм сексуального поведения и его регуляции, необходим разносторонний подход к пониманию самого понятия юридической или правовой нормы в рамках существующих социальных или культуральных норм, анализ их взаимоотношения и, соответственно, в первую очередь возможности анализа девиантных форм поведения.

Рассмотрение норм как соотношения формы, содержания и структуры делает перспективным синхронический подход к сравнительным исследованиям и диахронический сравнительный анализ. Синхронический компаративистский анализ основан на оценке одновременно сосуществующих норм права, образующих ту или иную систему права в том виде, в каком она воспринимается в правосознании субъектов. Диахронический анализ есть, прежде всего, историческое исследование смены одних элементов нормативной системы другими и ретроспективная оценка динамики.

Для использования диахронического подхода целесообразно использовать понятие «антропология юридической нормы».¹² По своей форме нормы права, регулирующие сек-

---

¹¹ Комаров С. А. Общая теория государства и права. – М., Юрайт, 1998. – С. 257.

¹² Закомлистов А. Ф. Юридическая философия. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – С. 160–161.

суальное поведение в синхроническом аспекте, представлены широким спектром насилия против личности и охраной половой свободы и неприкосновенности личности, а также «охраной морали» для консенсусного криминального сексуального поведения. При этом наполнение или конкретное содержание правовых норм обусловлено семантикой социального или культурального кода. Исторические процессы значительно изменяют это содержание в зависимости от социальных институтов и общества в целом. Первоначально сексуальное поведение и его регуляция полностью входили в институт семьи (рода, племени, клана и т. д.) или другие социальные институты и принимали ритуализированные формы сексуального поведения. Сексуальное поведение как самостоятельная форма правовых норм появляется только в период индустриальных цивилизаций. До этого времени как самостоятельный элемент правовых норм оно отсутствовало. При этом охраняется половая свобода и неприкосновенность, которые входят в круг прав и свобод личности. Ряд других норм, направленных на ограничение сексуального поведения, составляют структуру норм по охране общественной нравственности и морали.

В период Средневековья и даже в древних законодательных актах присутствуют понятия бесчестия, блуда, прелюбодеяния как наказуемых форм сексуального поведения, но они стоят в одном ряду с причинением имущественного вреда хозяину или в рамках физического насилия и как самостоятельные составы преступлений не фигурируют. Мораль и сексуальное поведение еще не связаны между собой в культуральном коде. Так, по мнению Л. Н. Гумилева, одним из самых моральных кодексов в истории человечества являются «Ясы» Чингисхана, представляющего народ, который постоянно осуществлял завоевательные походы и вел достаточно суровый образ жизни.¹³ Это законодательство направлено не на противление насилию или охрану имущества, а на взаимопомощь, однако в отношении сексуальных преступлений оно ничего конкретного не содержит; женщина по-прежнему выступает как часть добычи в военном походе или как часть имущества в условиях мирного времени.

Соответственно вопросы сексуального поведения находятся не в ведении правовых норм, а внутри отдельных социальных институтов, и в первую очередь института семьи и брака. Семья представляет собой некий стабильный набор правил, это так называемая «большая» семья традиционного, доиндустриального общества. Если внешние нормы поведения семьи регулируются в большинстве случаев ситуациями имущественного обмена, то внутри семьи сохраняются определенные запреты. Табу на инцест есть один из универсальных запретов, встречающийся в различных культурах практически повсеместно.

Антропологический компонент «изначально представлял собой полигон исходного родового определения во взаимодействии мужского и женского начал, которое завершилось институционализацией семьи, поскольку именно этот институт заявил о себе как индивидуальное антропологическое начало в гомогенности рода».¹⁴

Рассмотрение проблемы насилия в антропологическом аспекте, в первую очередь, связано с возможностью его регуляции, подконтрольности, обузданности. Регуляторами поведения индивида в традиционном обществе выступают ритуалы, и в отношении регуляции насильственных форм поведения это, прежде всего, ритуалы жертвоприношения. Социальная реальность традиционного общества включает две части – сакральную и профанную. Ритуализация и институционализация насилия проводится с целью контроля и возможности его регуляции. Данный аспект в литературе часто связывается с патосексуальностью, например интерпретация различных форм флагаляции. Однако последняя связана с чувственной жертвенностью в рамках теологии, а не сексуальности. Последняя просто не существует в

---

¹³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., Танаис, ДК ДИК, 1997. – С. 135–137.

¹⁴ Закомлистов А. Ф. Юридическая философия. – СПб., Юридический Центр Пресс, 2003. – С. 193.

культуральном и социальном коде, как не возникает и культуральных проблем разделения эротического и порнографического.

Проблема жертвенности рассматривается в работах антропологов, этнологов, философов, юристов, однако она далека от своего решения. Для данного исследования эта проблема представляет интерес в связи с парафильными формами поведения и в аспекте оценки поведения жертв сексуального насилия. Так, довольно распространенная в криминологии “labeling theory”, или теория стигматизации, постулирует, что современный социум производит преступников за счет как первичной, так и вторичной «наклейки ярлыков». Однако по аналогии с этим в виктимологии мы можем рассматривать стигматизацию жертв преступлений, например, за счет «идеологии страдания» (по выражению кардинала Б. Лоу) или других знаков социальной семантики, направленных на создание двойных стандартов и морали жертвенности. Таким образом, современные идеологические системы и средства массовой информации могут способствовать производству жертв насильственных преступлений.

«Жертвенность, несмотря на свое податливое онтическое проявление, присущую ей максимальную доступность для окружающей социальной действительности и совместимость с ней, содержит внутреннее мощное сопротивление и является активным способом противостояния злу».¹⁵

Рассмотрение норм права в антропологическом аспекте может приблизить к пониманию данной проблематики. С антропологических позиций интересно, что как жертва, так и преступник становятся существами сакральными. Для своего очищения они должны осуществить символический обмен между реальностями сакрального и профанного. В связи с этим в карательной системе правосудия преступник чаще всего чувствует себя жертвой этой системы, он всегда обвиняет ее в несправедливости, тем самым психологически меняясь местами с жертвой.

Социальные и правовые нормы традиционного общества и ритуалы, воплощающие их в жизнь, представляют собой нормы символического обмена сакрального и профанного. Это касается и большинства форм ритуализированного сексуального поведения, среди которых можно назвать и священный брак, и дионисийские оргии, и храмовую проституцию, и др. Только в начале XIX в. де Сад, и в последующем Л. фон Зохер-Мазох изменили семантику сексуального кода, а именно соединили насилие и жертвенность с сексуальностью, установив таким образом возможность насильственного способа сексуального поведения как взаимоприемлемого, консенсусного. Ритуализированные нормы регуляции насилия получили принципиально новое смысловое содержание в культуральном коде.

Рассматривая ритуал как аналог нормативной регуляции, нужно отметить, что большинство современных антропологов права больше склоняются к выделению мононорм в виде табу, запретов.¹⁶ Однако следует отметить специфику такого подхода: табу представляет собой запрет для конкретного индивида и для всего общества, оно касается непосредственно каждого; ритуал же – это форма поведения, которую ожидают от других, следовательно, он ближе к современному пониманию норм права как норм права другого.

Эволюция правовых норм определяется двумя факторами:¹⁷

- 1) процессами расширения области правовых ситуаций (изменение реальностей);
- 2) неупорядоченностью и противоречивостью правовых норм.

Первый фактор наиболее ярко может быть представлен с позиций цивилизационного подхода как процесс динамики от реальности традиционных обществ к индуст-реально-

---

¹⁵ Там же. – С. 199.

¹⁶ Рулан Н. Юридическая антропология. – М., Норма, 2000. – С. 87.

¹⁷ Розин В. М. Генезис права. Методологический и культурологический анализ. – М., 2003. – С. 154.

сти (Э. Тоффлер)¹⁸, и к гипер-реальности (Ж. Бодрийяр)¹⁹ информационного общества, или общества эпохи постмодерна.

Наиболее общими современными правовыми нормами, регулирующими сексуальное поведение западной цивилизации, являются:

- 1) отсутствие нарушений установленных законодательством возрастных цензов сексуальных партнеров, их физическая зрелость, вменяемость и дееспособность;
- 2) наличие взаимного добровольного предварительного согласия на те или иные действия сексуального характера;
- 3) отсутствие нарушений прав партнера или третьих лиц;
- 4) отсутствие умышленного причинения вреда здоровью, в том числе в отношении заболеваний, передающихся половым путем.

Все многообразие криминальных форм сексуального поведения американские криминологи предлагают условно разделить на две группы: преступления насильственного (недобровольного) характера, направленные против половой неприкосновенности и половой свободы личности, и преступления против морали, общественной нравственности, или «преступления без жертв».²⁰ Под «преступлениями без жертв» понимается «добровольный обмен между взрослыми лицами необходимыми, но запрещенными законом товарами или услугами».²¹ К таким преступлениям против морали, в первую очередь, относятся распространение порнографии и проституция. Криминологическими особенностями преступлений без жертв, согласно E. Schur, являются: 1) отсутствие в обществе единого мнения по вопросу, какими законами они должны регулироваться и как наказывать виновных; 2) в основе преступлений данной группы всегда лежит обмен; товары или услуги обмениваются на деньги, секс и др.; 3) отсутствует ущерб, за исключением ущерба, который несет сам правонарушитель. В отечественной криминологии и уголовном праве понятие «преступление без жертв» не используется, однако объектом преступления, согласно ст. 242 УК РФ, являются «отношения в сфере общественной нравственности, касающиеся половой жизни».²² Регуляция нравственности репрессивной по своей сути системой уголовного судопроизводства всегда будет проблематичной. Человек, понесший уголовное наказание, вряд ли станет более нравственным.

Группа насильственных сексуальных преступлений также трактуется в различных правовых системах неоднозначно. Можно говорить о расширенной и узкой трактовках понимания именно сексуального насилия.

Условно сексуальное насилие можно разделить на ряд следующих форм:

- 1) институционализированные;
- 2) символическое насилие;
- 3) криминальные;
- 4) ритуализированные;
- 5) реципрокные.

1. *Институционализированное насилие.* Следует отметить значительную распространенность институционализированных форм сексуального насилия в мировой практике, причем не в традиционных культурах, изучаемых антропологами, на сексуальное поведение которых смотрят как на что-то экзотическое, а в современных цивилизованных странах.

¹⁸ Тоффлер Э. Третья волна. – М., АСТ, 2004. – С. 74.

¹⁹ Бодрийяр Ж. Смерть и символический обмен. – М., Добросвет, 2000. – С. 127–131.

²⁰ Schur E. M. Crime Without Victims. Englewood Cliffs. – NJ., Prentice-Hall. – P. 76–84.

²¹ Ibid.-P.169.

²² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Л. Л. Кругликова. – М., Волтере Клувер, 2005. – С. 742.

Вопрос о том, являются ли они криминальными с позиций западных стандартов уголовного права, также является открытым. К таким формам относятся: клитеродектомия и обрезание в странах Ближнего Востока, например в Египте, принудительные гинекологические осмотры в Китае, проверка девственности в Турции, левиратный брак в Израиле, принуждение детей к браку в странах Африки и Латинской Америки (Эфиопия, Конго, Уганда), заключение брачного договора без согласия жениха и невесты и др.

Естественно, такие институционализированные формы насилия основаны на традициях и в большинстве стран мира, где они были распространены, в настоящее время криминализированы под влиянием западных норм права, однако реальное воплощение правовых норм остается нереализованным. Следует обратить внимание на тот факт, что сексуальное насилие над женщинами не было распространено повсеместно в традиционных культурах. Контроль над женщиной обеспечивался через право собственности. Женщины чаще подвергались насилию в пределах домашнего хозяйства, но были защищены от публичных сфер. Изнасилование процветало главным образом в маргинальных областях, в колониях, во время войн, среди мародерствующих и оккупационных армий. «В этих маргинальных областях было отчетливо выражено насилие в общем, а изнасилование было одним из видов такого рода деятельности среди форм жестокости и кровопролития...»²³ В индустриальных обществах сексуальное насилие стало выступать как основа сексуального контроля.

2. *Символическое насилие* — относительно новый термин, введенный французским политологом Р. Ароном (1985), определяемый как моральное насилие, осуществляемое посредством символов культуры, без реального применения физического насилия.²⁴ Это вполне реальное, а не мнимое насилие, хотя и не прямое, а косвенное, направленное на духовную составляющую как отдельного индивида, так и социальных групп, с преобладающим воздействием на разум и волю. Развитие символического насилия он связывает с информационным обществом и «цивилизационными», информационными войнами. Отмечая, что символическое насилие действует на знаковые системы, мирозерцание и мысли, нельзя не отметить его роль в формировании стандартов сексуального насильственного поведения при учете распространенности на территории России и стран СНГ низкокачественной видеопродукции с обилием сцен насилия и жестокости. Однако символические формы насилия не являются криминальными, их целесообразно рассматривать как явления, на фоне которых формируются стереотипы криминального сексуального насилия.

3. Понятие *криминальных форм* сексуального поведения основано на уголовном праве. В уголовном праве России на основе классификации статей УК выделяются половые преступления, которые составляют главу 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Я. М. Яковлев определял половые преступления как предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на половые отношения, присущие сложившемуся в обществе половому укладу, заключающиеся в умышленном совершении с целью удовлетворения половой потребности субъекта или другого определенного лица сексуальных действий, нарушающие половые интересы потерпевшего или нормальные для этого уклада половые отношения между лицами разного пола.²⁵ Сходное определение приводил Б. В. Даниэльбек (1972), называя такое преступление общественно опасным деянием, имеющим сексуальный характер, посягающим на нормальный уклад половых отношений в обществе, совершаемым для удовлетворения своей или чужой

²³ Гидденс А. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. — СПб., Питер, 2004. — С. 139.

²⁴ Aron R. Clausewitz. Philosopher of War. — New York, 1985. — P. 373–393.

²⁵ Яковлев Я. М. Половые преступления. — Душанбе, Ирфон, 1969. — С. 64.

потребности.²⁶ Выделение криминального сексуального поведения основано, прежде всего, на совершении преступлений на почве сексуальных побуждений, которые могут детерминировать и другие преступления. Сексуальная мотивация как основа типологии оправдана не только в уголовно-правовом плане, но и в аспекте криминологического анализа этих преступлений, экспертных оценок личности преступника и разработке оперативно-следственных мероприятий.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет сексуальное насилие как «любой сексуальный акт или попытку его совершить, нежелательные сексуальные замечания или заигрывания, любые действия против сексуальности человека с использованием принуждения, совершаемые любым человеком независимо от его взаимоотношений с жертвой, в любом месте, включая дом и работу, но не ограничиваясь ими».²⁷ Однако приведенное определение носит семантически неопределенный и расширенный характер толкования проблемы и не может использоваться в уголовном праве. Принудительное сексуальное поведение может принимать самые различные формы, но основным криминализирующим моментом будет являться различное по степени применения физическое или психическое насилие над жертвой.

При сравнительном анализе криминального сексуального насилия можно говорить о различных степенях применения силы: изнасилование, сексуальное принуждение, или понуждение, преследование, домогательство и посягательство. Отдельно в группе криминального сексуального насилия выделяются насилие со стороны интимного партнера, групповые и организованные формы сексуального насилия.

Изнасилование — это половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей (ст. 131 УК РФ). С точки зрения объективной стороны этого преступления, изнасилование как насильственное, нормативное, гетеросексуальное половое сношение является специальной нормой по отношению к насильственным действиям сексуального характера в целом. Определение термина «изнасилование» представляет известные методологические трудности. В уголовных законодательствах многих стран он не используется и заменяется обобщенным понятием сексуального нападения, или сексуальной агрессии. Юридическое определение было предложено А. Groth и означало насильственное введение полового члена во влагалище без согласия женщины.²⁸

Другие авторы предлагали учитывать конкретное сексуальное поведение (cunnilingus, fellatio, анально-генитальное сношение и др.).²⁹ Министерство юстиции США определяет изнасилование как «незаконное сексуальное сношение с женщиной, осуществляемое с применением силы или без добровольного юридического или фактического согласия».³⁰ Другой проблемой изнасилования является точное определение понятий «согласие» и критериев, его определяющих. «За последние годы понятия “вынужденный секс” и “согласие” претерпели заметные изменения. Когда-то сфера действия этих понятий ограничивалась довольно узкими рамками открытого нападения или насилия, совершенного незнакомым человеком. Теперь круг интерпретируемых как нежелательные сексуальных намерений и действий стал намного шире, включая в себя сексуальный контакт, навязанный близким знакомым или

---

²⁶ Даниэльбек Б. В. Половые извращения и уголовная ответственность. – Волгоград, 1972. – С. 26–27.

²⁷ Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. – Женева, ВОЗ, 2003. – С. 155.

²⁸ Groth A. N. Men Who Rape: The Psychology of the Offender. – New York, Plenum Press, 1979. – P. 32.

²⁹ Court J. H. Sex and violence: A ripple effect // Malamuth N. M., Donnerstein E. (Eds.). Pornography and sexual aggression, Orlando. – FL., Academic Press, 1984. – P. 143–172.

³⁰ U.S. Department of Justice. 1988. – P. 2.

любовником, или секс с человеком, находящимся в состоянии наркотического или алкогольного опьянения».³¹

В историческом аспекте понятие согласия изменялось следующим образом: женщину считали соучастницей преступления, если изнасилование происходило в городе, так как предполагалось, что на зов о помощи кто-нибудь откликнулся бы. До середины XX в. в судах США потерпевшая должна была представить доказательства изнасилования, опознать насильника и представить следы сопротивления.

Следует отметить, что большинство форм насильственного сексуального поведения, таких как домогательство, насилие со стороны интимного партнера и ряд других, далеки от практики современного российского уголовного права. Соответствующие нормы должны найти свое законодательное воплощение в ближайшем будущем, чтобы в полной мере обеспечить половую неприкосновенность и половую свободу личности.

Сексуальное принуждение, или *понууждение*, определено в ст. 133 УК РФ. Это действия сексуального характера, совершаемые «путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей)». Под понуждением понимается оказание давления на психику потерпевшей путем шантажа (угрозы сообщения порочащих сведений), угрозы уничтожения, повреждения или изъятия имущества потерпевшего или использования материальной или иной зависимости потерпевшего.

В докладе ВОЗ термин «принуждение» используется в иной семантической плоскости и подразумевает различное по интенсивности применение физической силы.³² Кроме того, по УК РФ обещание каких-либо материальных выгод или других благ для склонения к сексуальному контакту криминальным не является, и, наоборот, обещание лишения благ, служебного положения и т. д. расценивается как угроза. Согласно определениям ВОЗ и первый, и второй варианты будут расценены как криминальное поведение. В теории отечественного уголовного права существует понятие «сексуальное мошенничество», суть которого заключается в том, что субъект под обещанием жениться, материальных благ или иных способов удовлетворения запросов женщины вступает с ней в половую связь и в последующем данное обещание не выполняет. С уголовно-правовой точки зрения здесь присутствует половая связь с использованием обмана, однако последний, и это, на наш взгляд, справедливо, не предусмотрен в качестве характеристики объективной стороны изнасилования.

Сексуальное преследование — третий вид криминального сексуального поведения как отдельная уголовно-правовая норма, к сожалению, отсутствует в российском праве и по своему смыслу входит в понятие понуждения. Понятие «сексуальное преследование» получило наибольшее распространение в англосаксонской правовой системе и формулируется как «определенные действия, направленные на конкретного человека, которые включают повторяющиеся физические или визуальные знаки внимания, враждебные сигналы, а также устные, письменные или подразумеваемые угрозы, достаточные, чтобы вызвать страх у разумного человека».³³

В США кодифицированные определения понятия «преследование» в зависимости от штата, в котором они прописаны, различаются и варьируются от «преднамеренного, злонамеренного, повторяющегося выслеживания человека и причинения ему беспокойства» до несогласованной коммуникации — попытки вступить в контакт с определенным лицом против его воли, включая телефонные разговоры.

---

³¹ Michael R. T. Sex in America: A definitive study. – Boston, 1994. – P. 126.

³² Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. – Женева, ВОЗ, 2003.-С. 155–157.

³³ Бартол К. Психология криминального поведения. – М., Олма-Пресс, 2004. – С. 28.

Выделяются основные четыре категории преследований: 1) простое навязчивое преследование; 2) навязчивое любовное преследование; 3) преследование на почве эротомании и 4) преследование из мести, в том числе ревности³⁴.

Сексуальное домогательство — в уголовном праве США определяется как нежелательные сексуальные предложения, требования сексуальной благосклонности и другое поведение сексуального характера, проявляющееся в словах или действиях, если: а) подчинение таким предложениям, выраженным прямо либо подразумеваемым, составляет один из пунктов или условий получения работы данным субъектом; б) подобное поведение имеет целью или осуществляет неправомерное вмешательство в выполнение субъектом своих служебных обязанностей или создает на работе атмосферу запугивания, враждебности и неприязни.³⁵

Сексуальное посягательство — еще один общий термин для обозначения насильственных преступлений, используемый в англосаксонской правовой системе, под которым понимается применение, попытка применения или угроза применения физической силы в отношении личности вне зависимости от контекста ее применения в рамках сексуальных, насильственных или имущественных преступлений.

Насилие со стороны интимного партнера. Выделение этой формы насилия как самостоятельной — явление относительно новое для уголовного права. Так, в 38 из 50 штатов США насильственный половой акт между мужем и женой не является сексуальным поведением, которое может быть криминализовано.³⁶ Насилием со стороны интимного партнера считается любое поведение в рамках интимных отношений, которое выступает причиной физического, психического и сексуального ущерба для одного из участников этих отношений.³⁷ Такое поведение включает в себя:

- акты физической агрессии, такие как шлепки, нанесение ударов, пинки и избивание;
- психологическое насилие — запугивание и постоянное унижение;
- принудительный половой акт и другие формы сексуального принуждения;
- различные проявления контролирующего поведения, например изоляция от семьи и друзей, управление действиями и ограничение доступа к информации и помощи.³⁸

Как следует из определения ВОЗ, к насилию со стороны интимного партнера относятся не только насильственное сексуальное поведение, но и физическая агрессия, контролирующее поведение и др.; таким образом максимально расширяется спектр поведенческих проявлений.

Исследователи выделяют два варианта насилия со стороны интимного партнера. Первый — жестокое обращение — характеризуется несколькими формами плохого обращения одновременно с возрастающей степенью собственнического и контролирующего поведения. Второй вариант — «обычное партнерское насилие», смысл которого заключается в том, что партнеры постоянно чувствуют фрустрацию и раздражение, которые эпизодически выливаются в акты физической агрессии.

Для традиционного общества считались вполне приемлемыми физическое наказание жены и внутрисемейное насилие в целом. Так, английская поговорка XIX в. гласит: «Сбережешь розги — испортишь дитя». У. Нассан, проводивший исследования внутрисемейного насилия в Пакистане, пишет: «Избивание жены считается оправданным в качестве наказания с точки зрения культуры и религии... Так как мужчины считаются владельцами своих жен,

---

³⁴ Там же. С. 29.

³⁵ Цит. по: Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. — М., Медицина, 2001. — С. 102.

³⁶ Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р. Основы сексологии. — М., Мир, 1998. — С. 433.

³⁷ Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. — Женева, ВОЗ, 2003. — С. 95

³⁸ Ibid. С. 95–96.

они должны демонстрировать свое главенство, чтобы избежать нарушений в дальнейшем».³⁹ Причем и женами, и детьми это воспринимается как должное. Традиционные общества различают «справедливое» и «несправедливое» насилие, а также «приемлемые» и «неприемлемые» степени его применения. Таким образом, традиционная культура предоставляет мужчине как главе семьи право контроля над женщиной и применение насилия. Указанные формы контроля длительно сохраняются в обществах индустриального типа и определяют нормы сексуального поведения.

Общества постиндустриального типа («третья волна») определяют нормы поведения как «нормы консенсуса» и «мораль по договоренности», что формирует направления сексуальной политики и институты гражданского брака (*intimate citizenship*), ситуации, когда большинство девиаций и сексуальных отклонений становятся, скорее, стилем жизни. Сексуальное поведение современного западного общества характеризуется тем, что равные индивиды устанавливают способы взаимовыражения интимности, сексуальных предпочтений и ориентаций, форм взаимоотношений и проживания вместе, принципов воспитания детей, стандартов маскулинности и фемининности. Такая ситуация стала прямым следствием дифференцировки репродуктивного и сексуального поведения вслед за началом широкого использования контрацепции и освобождения сексуальности. При этом законодательные нормы направлены на учет потребностей, желаний и ограничений другого, и именно в таком аспекте следует рассматривать насилие со стороны интимного партнера.

Групповые и организованные формы сексуального насилия. Как отмечалось, помимо общей тенденции к снижению насильственной сексуальной преступности отмечается тенденция к изменению ее внутреннего состава. По данным разных авторов, групповые формы сексуального насилия составляют от 10 до 40 %.

Организованные формы тесно связаны с другими видами организованной преступности, такими как торговля наркотиками и их употребление для нейтрализации жертвы, порнобизнес, подпольная киноиндустрия с «жесткой эротикой», организованная проституция, киднеппинг, похищение и торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации, доходящей до сексуального рабства.

4. *Ритуализированные формы сексуального насилия.* В отличие от институционализированных форм они встречаются в обществах традиционного типа, но могут практиковаться отдельными псевдорелигиозными сектами в современном обществе или встречаться как антропологические устойчивые формы поведения при совершении криминальных сексуальных деликтов лицами с психическими расстройствами или находящимися в измененных состояниях сознания на момент инкриминируемого деяния.

5. *Реципрокное насилие.* Латинский термин “*reciprocus*” обозначает взаимность, комплиментарность. Данный вид насильственных сексуальных преступлений может быть выделен как проблемная область исследования насильственного сексуального поведения. В криминологии проблема такого поведения рассматривается в рамках понятий «виновное поведение жертвы» и является приоритетом для виктимологических исследований. Так, известны варианты садомазохистского реципрокного парафильного поведения, результатом которого является смерть партнера от нанесения телесных повреждений, и, соответственно, такое поведение относится к криминальным формам.

Преступления против морали или «консенсусные» сексуальные преступления. Глава 25 УК РФ включает преступления против общественной нравственности. Данная группа преступлений определяется как «деятельность, которую большое число людей рас-

³⁹ Hassan Y. The baven becomes bell: a study of domestic violence in Pakistan. – Lahore, Shirkat Gah Woman’s Resource Centre, 1995. – P. 14.

смачивает как аморальную и способную принести духовный и даже физический ущерб лицам, осуществляющим ее».⁴⁰

К типичным преступлениям против морали относят проституцию, порнографию, консенсусную содомию.

Именно сексуальное поведение, не соответствующее моральным устоям общества, больше всего уповает на медицинские критерии нормального и аномального. Однако такой подход имеет как преимущества, так и недостатки⁴¹. К преимуществам медиализации, точнее, психопатологизации проблем криминального и девиантного сексуального поведения можно отнести развитие терпимости и сочувствия к человеку. Вместо констатации пороков или слабости, развращенности и распущенности, он квалифицируется как больной. В результате он не получает наказания, а проходит индивидуальный курс лечения, реабилитации и, что самое главное, ресоциализации. Медицинские средства воздействия являются более мягкими, чем юридические, даже если они применяются в рамках не карательного, а восстановительного правосудия. Однако эффективность применения медицинских мер остается достаточно низкой, особенно в сфере коррекции сексуального поведения. Частота повторных общественно опасных действий лиц, признанных невменяемыми в связи с совершением сексуальных преступлений, остается слишком высокой, а сроки нахождения под медицинским контролем – недостаточными. Давая медицинское заключение, специалисты широко употребляют специальную терминологию и используют гносеологические модели, которые далеки от юридического понимания. Соответственно такие лица как бы исчезают из юридического поля зрения, вместо спецучетов следственных органов они в лучшем случае попадают на учет в перегруженные психоневрологические диспансеры.

Проституция — широко распространенная форма сексуального поведения как в современном обществе, так и в исторической ретроспективе. Анализ данной формы возможен только с учетом, с одной стороны, исторического и социального контекста, с другой – при учете различия гендерных норм. Е. Hagan определяет проституцию как практику беспорядочных половых сношений, совершаемых с корыстной целью и сопровождающихся эмоциональным безразличием.⁴² Сходное мнение высказывает Я. И. Гишинский, рассматривающий проституцию как возмездное предоставление сексуальных услуг и акцентирующий два основных признака: безличный (отчужденный) характер сексуальных отношений и возмездный (платный) характер.⁴³ Правовое определение проституции дано в Международной Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 21 марта 1950 г., как удовлетворение похоти одного лица другим лицом за плату. Важным признаком выступает признак торговли телом и публичный характер предложения. Отмеченный признак позволяет отграничить возмездное содержание любовницы, так как будет отсутствовать критерий публичности, и проблема будет носить характер личных взаимоотношений.

Проституция представляет собой пример сексуального поведения, тесно связанного с экономическими факторами. Дж. Б. Шоу писал: «...если мы, в конечном счете, получаем порок вместо добродетели, то только потому, что больше за него платим».⁴⁴ На протяжении всей истории отмечается амбивалентное отношение к данному феномену, и он противопоставляется социальному институту брака. Английский историк XIX в. Леки, изучая историю морали, писал: «Благодаря проституции гарантирована святость семейного очага

---

⁴⁰ Sheley J. F. American Crime Problem. Belmont. – С.А., Wadsworth, 1985. – P. 115–116.

⁴¹ Conrad P., Schneider W. Deviance and Medicalization: From Badness to Sickness. – Columbus, OH. Merrill, 1992. – P. 35–47.

⁴² Hagan E. Introduction to Criminology. – Chicago, 1986. – P. 243.

⁴³ Гишинский Я. И. Девиантология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С.372.

⁴⁴ Цит. по: Криминология / Подред. Дж. Шели. – М.; СПб., Питер, 2003. – С. 296.

и невинность наших жен и дочерей».⁴⁵ Если в древнем обществе с определяющим социальным институтом «большой» семьи нормативному сексуальному поведению противопоставляется инцест, то постепенное разрушение такой семьи (рода, клана, племени) ведет к правовому оформлению института брака и соответствующему антиповедению – проституции. Но целесообразность существования антиномии признавалась даже отцами христианской церкви. Святой Августин писал: «Если уничтожить публичных женщин, то сила страстей все разрушит». Ему вторил Фома Аквинский: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность».⁴⁶

Таким образом, оппозиция противопоставления нормативных и ненормативных форм сексуального поведения служит для определенности норм, легитимизации морали. Однако в последующем тесная взаимосвязь проституции с экономическими факторами, особенно отчетливо проявившаяся в индустриальном обществе, приводит к массе других негативных последствий, превращая ее из консенсусных, возмездных форм в средство экономической эксплуатации и насилия, приводя в большинстве случаев ее саму к криминализации и построению вокруг широкого спектра преступной деятельности как принуждение к занятию проституцией, сексуальное рабство, похищение и торговля людьми, вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетних и др.

По формам своего проявления проституция как сексуальное поведение может быть подразделена на две группы: 1) консенсусное занятие проституцией, и 2) эксплуатация проституции. Соответственно вторая группа действий относится к криминальным и определяется ст. 240 УК РФ (Вовлечение в занятие проституцией) и ст. 241 УК РФ (Организация занятия проституцией).

Таким образом, эксплуатация проституции определяется вовлечением, склонением, совращением другого лица к занятию проституцией даже при условии его согласия, а также путем пособничества, организации и содержания притонов для занятия проституцией. В большинстве западных государств занятие проституцией вблизи школ, в ненадлежащем месте и в ненадлежащее время и т. д. уголовно или административно наказуемо, что является вполне оправданными мерами социального контроля.

Проституция, имея под собой только экономические истоки, связывается с различными формами организованной преступности. Это внедрение в противоборствующие преступные группировки, использование с целью шантажа в отношении государственных чинов, их публичная дискредитация или вовлечение в криминальные структуры, осуществление роли информаторов и наводчиков и др.

Порнография — еще один вид деятельности, связанный с сексуальным поведением человека.

В ст. 242 УК «Незаконное распространение порнографических материалов или предметов» определение порнографии отсутствует. Использование термина основано, как правило, на противопоставлении, бинарной оппозиции порнографического и эротического.

Греческий термин “pornos” переводится как развратник. Порнограф у древних греков – художник, занимающийся росписью публичных домов и гримированием проституток. Порнография в большинстве энциклопедических словарей определяется как натуралистически-вульгарное, непристойное изображение или описание половых отношений с целью вызвать половое возбуждение.

---

⁴⁵ Цит. по: Рассел Б. Брак и мораль. – М., Крафт, 2004. – С. 127.

⁴⁶ Цит. по: Гилинский Я. И. Девиантология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 372.

Порнография в литературе, кино, живописи, фотографии – изображение половых сношений как самоцель, без какой-либо художественной, эстетической направленности, а также произведения, содержащие такого рода изображения.⁴⁷

Правовое определение порнографии, сформулированное Калифорнийским судом США в 1973 г., состоит из трех пунктов:

- 1) если средний человек, рассматривающий произведение с точки зрения стандартов современного общества, обнаружит, что в целом оно вызывает сексуальный интерес;
- 2) если работа изображает сексуальное поведение «откровенно агрессивным образом»;
- 3) если произведение в целом не имеет «значительной литературной, художественной, политической или научной ценности».⁴⁸

Вопросам борьбы с распространением порнографии была посвящена Женевская международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими от 1923 г., где порнография определяется как непристойное, грубо натуралистическое, циничное изображение половой жизни людей, все то, что расположением лиц, поз рисунка обнаруживает специальное стремление возбудить похотливое чувство.

Основной аргумент сторонников запрещения порнографии заключается в том, что она может являться стимулом для насильственных форм сексуального поведения. В целом следует отметить, что при системном рассмотрении девиантных и криминальных форм сексуального поведения порнография имеет чисто теоретический интерес как отражающая семантику социального нормативного кода, разделяющего порнографическое и эротическое. Другой наиболее интересный аспект рассмотрения порнографии – в рамках описанного символического насилия.

---

⁴⁷ Ефремова Т. Н. Новый словарь русского языка. – М., Русский язык, 2001. – С.432.

⁴⁸ Криминология / Под ред. Дж. Шели. – М.; СПб., Питер, 2003. – С. 302–303.

1.2. Взаимосвязь аномальных и криминальных форм сексуального поведения – «парафильная триада»

«Люди с сексуальными “уродствами” – это люди с таким же достоинством и таким же божественным предназначением, как и все остальные. Мы можем говорить об их сексуальных отклонениях именно потому, что они второстепенны. Разумеется, следует избегать выражений, которые в современном языке носят оскорбительный характер (“извращенный”, “ублюдочный” и т. д.)».
Андреас Лаун, епископ Зальцбургский

Ряд форм криминального сексуального поведения тесно связан с медицинскими понятиями «аномальности», и их следует рассмотреть отдельно.

Критерий разграничения сексуальной аномальности как *медицинской* (психиатрической, сексопатологической) проблемы и сексуальной девиантности как отражающей социальную нормативность дан в последней редакции «Руководства по диагностике и статистике психических расстройств» – DSM-TV, выпущенной Американской ассоциацией психиатров в 2000 г. Ввиду принципиальной важности таких различий приведем текст дословно.

«Психическим расстройством считается клинически значимый поведенческий синдром или паттерн, который возникает у индивида и связан с имеющимся дистрессом (болезненным симптомом), или неспособностью (нарушением в одной или нескольких сферах функционирования), или значительным риском смертельного исхода, болью, актуальной утратой свободы. Кроме того, этот симптом или паттерн не должен быть ожидаемой и культурно санкционированной реакцией на конкретное событие. Независимо от своей первоначальной причины он должен в настоящее время быть проявлением поведенческой, психологической или биологической дисфункции индивида. Ни девиантное поведение (политическое, религиозное или сексуальное), ни конфликты, определенным образом возникающие между индивидом и обществом, не являются психическими расстройствами, если только отклонение или конфликт не оказывается симптомом дисфункции индивида, как описывается выше»⁴⁹.

Вначале целесообразно кратко остановиться на медицинских критериях «аномальности» сексуального поведения, так как они, по справедливому замечанию авторов руководства по «Судебной сексологии», отражают самый узкий спектр нормативности, «имеют дополнительные критерии, помимо их противоречия социальным нормам»⁵⁰.

Медицинская нормативность сексуального поведения и ее критерии определяются действующей на территории РФ Международной классификацией болезней – МКБ-10, раздел F «Классификация психических и поведенческих расстройств»,⁵¹ и тем самым соответствует международным стандартам в данной области. В отношении психосексуальных расстройств выделяются две основные группы нарушений – парафилии и расстройства гендерной идентичности.

Медицинская институционализация проблемы «сексуальных извращений» начинается в XIX в. с известной работы Р. Краффта-Эбинга «Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства. Клинико-судебно-медицинский

⁴⁹ Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Аномальная психология. – СПб., Питер, 2004. – С. 34–35.

⁵⁰ Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. – М., Медицина, 2001. – С. 102.

⁵¹ Международная классификация болезней, 10-пересмотр. МКБ-10. Классификация психических и поведенческих расстройств. ВОЗ. Россия. – СПб., 1994.

этиюд».⁵² Изложенные им основные идеи сохранялись на протяжении длительного времени, и сексуальные извращения рассматривались не как самостоятельные нозологические единицы, а как сопутствующие в рамках различных психических расстройств. С введением в 1952 г. Американской психиатрической ассоциацией универсальной классификации психических расстройств DSM-I⁵³ термин «извращения» смнен на «сексуальные отклонения», и в ряде случаев отклоняющееся сексуальное поведение рассматривается как социопатическое расстройство. Вторая классификация – DSM-II – убирает понятие социопатических расстройств и сексуальные перверсии в целом относит к группе «непсихотических психических расстройств». DSM-III изменяет понятие перверсии, введя новый термин – парафилии. Кроме того, для установления диагноза сексуального отклонения необходимыми становятся два условия: «периодическое предпочтение» и/или «исключительно аномальный способ достижения сексуального удовлетворения», таким образом, убрав из категории расстройств изолированные или эпизодические девиантные сексуальные акты. Следующая классификация – DSM-III-R (1980) – оставляет термин «парафильное поведение», основным критерием которого выступает периодически повторяющееся аномальное сексуальное предпочтение.

Общими диагностическими критериями парафилий (рубрика F65) в соответствии с МКБ-10 являются следующие:

G1. Индивидууму свойственны периодически возникающие интенсивные сексуальные влечения и фантазии, включающие необычные предметы и поступки.

G2. Индивидуум или поступает в соответствии с этими влечениями, или испытывает значительный дистресс и/или межличностные трудности из-за них.

G3. Это предпочтение наблюдается минимум 6 месяцев.

Основным медицинским (биологическим) критерием нормативности сексуального поведения целесообразно рассматривать признак нарушения контроля. Таким признаком нарушенного контроля поведения является неспособность сопротивляться импульсу, побуждению, «соблазну», выполнить действия, которые могут принести вред себе или другим.

Роль аномального сексуального поведения в генезе отдельных преступлений наиболее четко прослеживается в «криминальной парафильной триаде» – *эксгибиционизм, педофилия и садомазохизм*.⁵⁴ Выделенные несколько лет назад аномальные, с медицинской точки зрения, формы парафильного сексуального поведения были синхроничны криминальному поведению. Однако в настоящее время эксгибиционизм исчез из правового поля зрения. Изначально затерявшись в статье «Хулиганство», он стал полностью латентным.

Вопрос об отнесении эксгибиционизма к криминальному сексуальному поведению юридически решается неоднозначно. Его распространенность среди других форм девиантного сексуального поведения составляет, по данным J. Bastami (1976), около 30 %.⁵⁵ Отечественные исследователи эксгибиционизма также относят его к самому распространенному феномену, приводящему к криминальной активности,⁵⁶ определяя данный феномен как преднамеренное обнажение гениталий перед другим человеком для достижения собственного сексуального удовлетворения.⁵⁷ Практика самообнажения, по мнению F. Rooth (1973), присуща в первую очередь западной культуре и относительно редко встречается в странах «третьего мира» и Латинской Америке.⁵⁸ Следует отметить две важные особенно-

⁵² Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства. Клинико-судебно-медицинский этюд. – СПб., 1909.

⁵³ *Diagnostic and Statistical manual of mental disorders. DSM-IV.* – APA. Washington, 2000. -430 p.

⁵⁴ Ткаченко А. А. Сексуальные извращения – парафилии. – М., Триада X, 1999. – С. 171–207.

⁵⁵ Bastami J. Treatment of male genital exhibitionism // *Comprehensive Psychiatry*. 1976. V. 17. N 6. – P. 769–775.

⁵⁶ Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология. – М., Спарк, 1999. – С. 360.

⁵⁷ Бартол К. Психология криминального поведения. – М., Олма-Пресс, 2004. – С.258.

⁵⁸ Rooth F. G. Exhibitionism, sexual violence and pedophilia // *British Journal of Psychiatry*. 1973. V. 122. – P. 705–710.

сти эксгибиционизма – он никогда не переходит в физическую агрессию и протекает вне контекста приготовления к половому акту. Исследователи Rhoads and Bories (1981), проводившие опрос в США и Гватемале, выясняли у женщин, как часто они встречали людей, публично обнажающихся. Результат опроса не выявил значимого различия в количестве случаев, однако официальные отчеты этих двух стран кардинально отличны. Таким образом, можно говорить, что зарегистрированные случаи эксгибиционизма как криминального сексуального поведения отражают морально-нравственное состояние общества в отношении пристойности и сексуальности. Социальный контроль над данным видом девиантности дает эффект не при использовании репрессивных мер, а при изменении отношения общества в целом. Учитывая эти моменты, можно говорить, что эксгибиционизм является индикатором распространенности сексуального девиантного поведения.

Следует отметить, что акты эксгибиции могут носить не только сексуальный характер. В древних обществах это акты демонстрации силы, превосходства и контроля. Эксгибиционизм как тип сексуального поведения связан с фаллическим культом, лежащим совместно с демонстрацией силы и превосходства в основе процессов стратификации, на что неоднократно обращали внимания этологи.⁵⁹ На основе фаллического культа формируются гендерные стандарты и стереотипы сексуального поведения.

Другие виды эксгибиционистского поведения, такие как сексуальный плюрализм (триолизм), кондаулезизм и культ сексуального гостеприимства, наоборот, направлены на сохранение социального равновесия и могут лежать в основе полигамии и полиандрии.⁶⁰

Проблема нормативности и криминальности *педофилии* требует особого рассмотрения; кроме того, она близко соприкасается с проблемами инцестного поведения и инфантоцида. «Проблема, которую должно решить каждое общество, – защита незрелых в половом отношении, является сутью проблемы инцеста», – пишет известный антрополог Маргарет Мид.⁶¹ Под криминальное сексуальное поведение педофильного характера могут подпадать все составы преступлений главы 18 УК РФ.

Традиционное, аграрное общество является геронтофильным – пожилые члены племени, мужчины составляют его основу, являются самыми уважаемыми, носителями традиций и исполнителями ритуалов. Проблема педофилии здесь просто не ставится, мир детства как таковой не дифференцирован, поэтому особое распространение получает феномен инфантоцида, который как криминальное поведение просто не рассматривается. «Незамужняя женщина эта рожала каждый год, и как это обычно делается по деревням, ребенка крестили, и потом мать не кормила нежеланно появившегося, не нужного и мешавшего работе ребенка, и он скоро умирал от голода», – писал Л. Н. Толстой в конце XIX в.⁶² В конфуцианском Китае три дня после рождения младенец не считался человеком, и его умерщвление не осуждалось юридически или морально.⁶³

Общество промышленного (индустриального) типа ориентировано на мужчин работоспособного, производительного возраста. Следовательно, проблема детей актуализируется как проблема средств воспроизводства. И, наконец, общества современного типа, постиндустриальные, информационные, полностью ориентированные на привилегированные права ребенка, сталкиваются со всевозрастающей проблемой педофилии.

⁵⁹ Эйбл-Эйбесфельдт И. Биологические основы эстетики // Красота и мозг / Под ред. И. Эйбл-Эйбесфельдт. – М., Мир, 1995. – С. 46–49.

⁶⁰ Старович З. Судебная сексология / Пер. с польск. – М., Медицина, 1991. – С. 114–115.

⁶¹ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М., Просвещение, 1988. – С. 345.

⁶² Толстой Л. Н. Воскресенье. – М., 1997. – С. 8.

⁶³ Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. – М., ПЕРСЭ, 2001. – С. 28.

Следует отметить, что период детства в отношении сексуальной культуры необходимо рассматривать двояко. Помимо того, что этот период релятивистичен в своих возрастных границах, он может определяться в верхних границах либо до периода «полового созревания», либо до периода «социального созревания», которые могут не совпадать. В постиндустриальном обществе детство расширяет свои границы в плане социального созревания. Один из социологов постиндустриального общества Э. Тоффлер писал: «По мере роста скорости изменений во внешней среде внутренние изменения между молодежью и стариками неизбежно становятся все более заметными. Темп изменений настолько ошеломляющ, что несколько лет разницы дают большие различия в жизненном опыте человека»⁶⁴.

Но главное, что в процессе инфантилизации можно не контролировать импульсы и желания, у ребенка имплицитно предполагается, что эти процессы контролируют взрослые члены общества. Для доказательства массовой инфантилизации достаточно вспомнить огромное количество мультфильмов для взрослых, компьютерные игры, примитивную видеопродукцию и др. В то же время психосексуальное развитие идет по пути выраженной акселерации, и высокие темпы данного процесса отмечены на протяжении второй половины XX в.

В традиционном обществе сексуальные отношения с детьми могут носить ритуализированный характер. Педофилию можно рассматривать и как ритуал, способ передачи знаний, навыков, умений и т. д. Но ее следует однозначно оценивать как криминальную, во всяком случае в России. В психиатрическом же аспекте могут быть предложены разные решения. Например, R. Grin ставит вопрос, является ли педофилия психическим расстройством?⁶⁵ Сама постановка вопроса предельно проста, как и в отношении гомосексуализма, когда на основе транскультуральных исследований пытаются показать распространенность феномена преимущественно в традиционных обществах и доказать его психическую «нормальность», на основании которой ставить вопрос о декриминализации. При этом R. Grin возвращается к истории Европы, где на протяжении трех веков сексуальные отношения и вступление в брак были разрешены с десятилетнего возраста.

Нерелевантность сопоставления традиционного и современного, постиндустриального общества обусловлена, по крайней мере, двумя причинами. Во-первых, совокупная продолжительность жизни на протяжении истории человечества не превышала 20 лет.⁶⁶ И, во-вторых, в средневековой Европе проблемы социологии и психологии детства не существовало, дети одевались, как и взрослые, играли в те же игры, выполняли ту же работу.⁶⁷ Традиционные общества, являясь «префигуративными», ориентированы на воспроизводство стереотипов традиций, и проблемы детей в таком обществе не существует.⁶⁸ G. Schmidt подходит довольно логично к проблеме педофильного сексуального поведения, разделяя нравственные и клинические аспекты. Если в первом случае следует опираться на рассмотрение нормативной системы общества, то с клинических позиций необходимо исследование травматизма подобных контактов.⁶⁹ Основное отличие педофилии от других форм сексуального поведения заключается в отсутствии равенства партнеров, что подвергает опасности способность ребенка к самоопределению. Отсутствие равенства однозначно свидетельствует о невозможности отнесения данных форм сексуального поведения к консенсусным. Смещение акцента на исследование детского травматизма также оправданно, так как вполне

---

⁶⁴ Тоффлер Э. Шок будущего. – М., АСТ, 2001. – С. 319.

⁶⁵ Grin R. Is a pedophilia a psychiatric disorder? // Archives of Sexual Behavior. 2002. V. 31. N 6; см. также Реферативный обзор по данной тематике: Сексология. 2003. № 4. – С. 39–48.

⁶⁶ Капица С. П. Модель роста населения Земли // Успехи физических наук. 1995. Т. 26. № 3.

⁶⁷ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – М., Прогресс, 1992. – С. 67–81.

⁶⁸ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М., Просвещение, 1988. – С. 345.

⁶⁹ Является ли педофилия психическим расстройством? // Сексология. 2003. № 4. – С. 39–48.

закономерно ставить вопрос о репрезентативности выборки лиц с педофильным поведением при исследованиях тех лиц, которые уже привлечены к уголовной ответственности. Значительно более высокая распространенность педофилии отражается на распространенности в мире детской проституции и порнографии.

Современный правовой подход должен базироваться на изложенных представлениях, но иметь четкую нормативную основу. И здесь представляется оправданной ориентация норм УК РСФСР 1960 г. о проведении экспертного исследования на определение половой зрелости потерпевшей на период криминального деяния. Решать вопрос путем повышения или понижения возраста жертвы в норме УК нецелесообразно. Многие УК западных стран исходят из представления о возрастной разнице «преступника» и потерпевшей, естественно, при добровольном гетеросексуальном контакте. Если, например, он не превышает трех лет, то деяние не криминализируется. Еще один важный момент – акселерация жертвы, как психосексуальная, так и физическая. По ст. 134 УК РФ необходимо осознание преступником, что он совершает половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, которое, судя по его возрасту, телосложению, внешнему облику и т. п., заведомо не достигло возраста 16 лет. Однако указанный фактор акселерации, использование косметики, стилей одежды, так же как провоцирующее сексуальное поведение в силу опять-таки психосексуальной акселерации, практически стирают эту возрастную границу для осознания.

Другим обстоятельством, учет которого необходим, являются психологические особенности восприятия человека, специфические эволюционные адаптации, придающие нам некоторую специфику. В психологии восприятия существует понятие ключевых стимулов, «врожденных пусковых механизмов»⁷⁰, или «врожденных моделей».⁷¹ Это сигналы коммуникации у особей одного вида, имеющие сигнальные приспособления и пусковые механизмы, которые провоцируют определенные поведенческие механизмы. Соответственно можно искусственно создавать объекты-стимулы, которые будут действовать сильнее обычных. В результате появляются визуальные стимулы с нарочито детскими чертами. Их прямое назначение – вызывать покровительственное поведение: уход, забота, привязанность, покровительство, опека. Как показали исследования И. Эйбл-Эйбесфельдта, мужчинам нравятся женщины, у которых полноценные вторичные половые признаки сочетаются с признаками «педоморфизма», – большие глаза, небольшой нос, невыраженный подбородок, маленький рот и др.⁷² Соответственно взрослые гетеросексуальные женщины практически бессознательно используют эти визуальные стимулы для запуска ответных реакций, используя косметику, макияж, пластику и др. Иными словами, они приближают себя по внешнему облику к подросткам, таким образом внося еще большую путаницу в возрастные грани. Все эти обстоятельства должны учитываться при определении нормативных границ криминального сексуального поведения в отношении несовершеннолетних.

Садомазохизм — третья составляющая парафильной криминальной триады. Свое название она получила от двух фамилий: маркиза Донасьена Альфонса Франсуа де Сада и Леопольда фон Зохера-Мазоха, известных в истории своими скандальными для своего времени произведениями, в которых впервые описывались данные формы сексуального поведения. Сосуществование этих реципрокных форм парафильного поведения стало «трюизмом, избитым местом клинических и психоаналитических интерпретаций».⁷³ Хотя их неразрывность в целом не всегда является безусловной, Жиль Делез назвал такую форму сексуального

⁷⁰ Tinbergen N. The study of instinct. – London, Oxford University Press, 1951. – P. 23–24.

⁷¹ Lorenz K. Die angeborenen Formen möglicher Erfahrung // Z. Tierpsychol. 1943. N 5. – P. 235–409.

⁷² Eibl-Eibesfeldt I. Die Biologie des menschlichen Verhaltens. – München, Piper, 1984. – P. 43–45.

⁷³ Ткаченко А. А. Сексуальные извращения – парафилии. – М., Триада X, 1999. – С. 206.

поведения «семиотическим монстром», подразумевая, в первую очередь, трудность лингвистической экспликации и возможности анализа.

В англоязычной литературе такое поведение обозначается аббревиатурой BDSM и, соответственно, рассматривается как состоящее из трех компонентов: BD – от англ. *bondage* – связывание, *discipline* – дисциплина; DS – *domination* – доминирование, *submission* – подчинение; SM – *sadism* – садизм, *masochism* – мазохизм. Соответственно BD и SM отражают формы сексуального поведения; DS – ролевую структуру, но обмен ролями как таковыми отсутствует в процессе реализации поведения и может принимать только форму переключения (*switch*).

Такое поведение с позиции лиц, его практикующих, во-первых, носит консенсусный, договорной характер и, во-вторых, не является насильственным. Если под насилием понимать моральное (психическое) или физическое принуждение (подавление), направленное против воли, желания и мнения другого. Договорной и ненасильственный характер садомазохистских форм сексуального поведения предполагает их добровольность, безопасность и разумность, т. е. обоюдное желание такого поведения, сведения риска возможных повреждений к минимуму и ответственность, сходство взглядов партнеров на сексуальные взаимоотношения и их последствия.

В уголовном праве и криминологии понятие садизма очень часто отождествляется с особой жестокостью, хотя эти понятия целесообразнее дифференцировать. Особая жестокость – квалифицирующий признак состава преступления. В то же время садомазохизм есть реципрокная форма сексуального поведения. Преступления с особой жестокостью не всегда совершаются по сексуальным мотивам и, соответственно, не относятся к криминальному сексуальному поведению. Связанность садизма и жестокости не ведет к пониманию конкретных механизмов девиантного и криминального поведения. «Садисту, в отличие от жестокого человека, не зло приносит наслаждение, но наслаждение кажется зловердным».⁷⁴ Таким образом, садомазохизм может быть отнесен к криминальным формам поведения только как «преступление против морали». С. Жижек как раз сравнивает И. Канта как одного из основоположников морального императива с маркизом де Садом.⁷⁵ Для Канта любое желание контролируемо, в особенности если оно противоречит инстинкту самосохранения. Сад описывает удовлетворение желаний вопреки опасности, вне «эгоистичности», «по ту сторону принципа удовольствия», а, соответственно, по Канту, такие действия являются этически. При этом следует отметить, что сам де Сад негативно относился к любым формам насилия, в том числе институционализованному, и резко выступал против террора во времена французской революции.

Жестокость определяется как «черта личности со стремлением к причинению страданий, мучений людям или животным, выражающаяся в действиях, бездействиях, словах, а также фантазировании соответствующего содержания».⁷⁶ Другим семантически близким к жестокости является понятие агрессии. Однако агрессивность, как отмечает Ю. М. Антонян, более широкое нравственное понятие, поскольку не всегда агрессивные действия носят жестокий характер.⁷⁷ Принципиально важным моментом является такая отмеченная особенность, как нравственный характер, в то время как понятие садомазохизма – чисто клинично-психопатологическое и патопсихологическое; как криминальная агрессия оценивается

⁷⁴ Загурекам И. Эпистола из камеры vs. Философии в будуаре // Маркиз де Сад. Письма вечного узника. – М., Эксмо, 2004. – С. 12.

⁷⁵ Жижек С. Кант и Сад: идеальная пара // anthropology.ru/ru/texts/translab/texts/zizec/zizec.html

⁷⁶ Антонян Ю. М. Гульдан В. В. Криминальная патопсихология. – М., 1991. – С.115.

⁷⁷ Антонян Ю. М. Общий очерк о преступном насилии // Человек против человека. Преступное насилие. Сб. ст. / Под ред. Ю. М. Антоняна, С. Ф. Милукова. – СПб., 1994. – С. 8–9.

с позиций правовых и социальных норм и содержит компонент нравственности, так в биологическом мире «агрессия» – чисто научный термин, свободный от оценочных категорий.

Садомазохизм как медицинская, психиатрическая проблема должна решаться, в первую очередь, на основании медицинских критериев парафильного поведения. Принципиальным остается вопрос об интерференции аномального парафильного поведения в форме садомазохизма и криминального сексуального поведения и оценки степени его общественной опасности.

Относительно половых преступлений и криминального сексуального поведения в п. «в» ч. 2 ст. 131 и п. «в» ч. 2 ст. 132 УК РФ определяется повышенная уголовная ответственность за изнасилование и насильственные действия сексуального характера, совершенные с особой жестокостью по отношению к потерпевшей или другим лицам. Особая жестокость при сексуальных преступлениях будет проявляться в способе совершения преступления: пытки, мучения, истязание, причинение вреда здоровью. Однако если тяжкий вред здоровью причинен умышленно, то такие действия следует квалифицировать в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ и таким образом рассматривать идеальную совокупность преступлений. Кроме того, возможны ситуации, когда особая жестокость проявляется в отношении других лиц, родственников потерпевшей с целью сломить сопротивление путем психического воздействия. В указанных случаях также можно говорить о садистском поведении.

Отмечая тот факт, что эксгибиционизм как форма криминального сексуального поведения не всегда находит уголовно-правовую оценку, нужно сказать, что на его место в криминальной триаде претендует раптофилия. J. Money выделил шесть основных категорий парафилий, каждая из которых представляет свою стратегию поведения, посредством которой сладострастие и чувственность отделяются от любви и романтического аффекта.⁷⁸ Они становятся кардинальными элементами при парафилиях, предоставляя возможность для сексуального экспериментирования со сладострастием при отсутствии любви как таковой. Одной из таких стратегий является *мародерско/грабительская*, которая подразумевает похищение или принуждение сладострастного партнера из-за того, что «безгрешный» партнер не допускает греха сладострастия. Крайний вариант этой стратегии – синдром насильственного или агрессивного парафильного изнасилования (раптофилия или биастофилия). Однако ни МКБ-10, ни DSM-IV не включают изнасилование в рубрику парафилий.

А. А. Ткаченко, Г. Е. Введенский, Н. В. Дворянчиков, обсуждая вопрос о том, представляет ли собой изнасилование истинную парафилию (раптофилию), при которой сексуальное удовлетворение стереотипно достигается путем насильственного принуждения к сексуальному взаимодействию (изнасилования) партнера, отмечают, что при этом отсутствуют такие характерные для *садизма* элементы, как намеренное причинение боли или унижения, являющиеся обязательным условием сексуального возбуждения.⁷⁹ Аргументы для признания изнасилования одним из видов парафилий исходят из нескольких источников. Клинические интервью лиц, совершивших изнасилования, представляют информацию о том, что во многих случаях у данных субъектов присутствуют навязчивые, повторяющиеся, компульсивные побуждения и/или фантазии, сюжетом которых является изнасилование. Последние имеют циклическую природу, переживаемые индивидом желания увеличиваются по интенсивности и, в конце концов, становятся слишком сильными. Субъект стремится взять их под контроль, однако по мере того, как побуждения становятся слишком интенсивными, контроль нарушается и желания претворяются в жизнь с последующей временной их редукцией. Данный паттерн весьма специфичен для истинных парафилий. Дополнительным подтверждением служит тот факт, что изнасилование как таковое является феноменом, сопутствующим

---

⁷⁸ Money J. Paraphilias: Phenomenology and Classification // Amer. J. Psychother. 1984. Y. 38. N 2.-P. 56–78.

⁷⁹ Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. – М., Медицина, 2001. – С. 98.

другим видам парафилий. В частности, у насильников имеется высокая вероятность существования в прошлом или появления в будущем других парафилий в дополнение к раптофилии.

1.3. Девиантное и криминальное поведение в аспекте системных исследований

«Девиантность» – общий термин, обозначающий отклонение от социальных норм. Данный феномен представляет собой комплексное явление. Я. И. Гишинский обоснованно выдвигает несколько общих оснований для объяснения девиантности.⁸⁰ Таких факторов – четыре.

1. Причинно-следственная связь – одно из проявлений взаимозависимости между элементами системы; социальные системы более сложны, вероятностны, нелинейны и стохастичны.

2. Социальные девиации – искусственный конструкт, не имеющий качественной определенности в реальной действительности.

3. Проявления девиантности столь различны по содержанию, что нет и не может быть единой причины.

4. Вероятно, имеются обстоятельства, наличие которых делает более или менее вероятным девиантное поведение, а его форма зависит от случайностей или индивидуальных особенностей субъекта.

Нормативность по своей природе явление противоречивое. Традиционные нормы, унаследованные исторически, сталкиваются с нормами новыми, сформировавшимися в процессе развития общества. Однако это не снижает их значения в поддержании социальной стабильности и регуляции общества. «Возникновение социальных норм связано с выделением человека из животного царства, осознанием им своего отношения к себе, что, в свою очередь, порождает отношение к себе подобным».⁸¹

Девиация есть отклонение, которое всегда проявляется в поведении (поступках, деятельности, действиях), отражая социальную сторону функционирования личности. Для обозначения такого отклоненного поведения всегда существует большой тезаурус, отражающий многообразие поведенческих форм, с одной стороны, и семантическую диффузию или «отсутствие качественной определенности» – с другой. Особенно это касается разнообразных форм сексуального поведения, которые в любом обществе находятся в аффектогенном поле. Соответственно, чтобы иметь возможность сравнительного анализа различных проявлений девиантности в том или ином обществе, нужно, в первую очередь, исходить из понимания специфического для каждой социальной системы культурального нормативного кода.

Следует отметить интересный момент: понятия нормативности, девиантности и сексуальности возникают на исторической арене в период формирования индустриальных цивилизаций синхронично. На это впервые обратил внимание французский философ М. Фуко. Диспозитив сексуальности или различные подходы к ее изучению и различные возможности воздействия на нее возникают в ситуации отслеживания и установления контроля за девиациями. Формирование понятия сексуальности, по М. Фуко, относится к XVIII–XIX вв. и связывается им с формированием новых социальных институтов – религиозной исповеди, образования, медицинского контроля и лечения, правосудия в отношении сексуальных отклонений. Им делается набросок единой схемы объяснения таких отклонений.⁸²

Первое – это задача социальных институтов, таких как церковь, школа, больница или суд, отслеживать отклоняющееся поведение и возвращать его к норме. При этом каждый из социальных институтов ставил свои границы нормы и отклонения, патологии или деви-

---

⁸⁰ Гишинский Я. И. Девиантология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 372.

⁸¹ Лукашева Е. А. Права человека как фактор устойчивого развития. – М., НОРМА, 2000. – С. 13.

⁸² Цит. по: Розин В. М. Личность и ее изучение. – М., Едиториал УРСС, 2004. – С. 46–52.

антности. Несовпадение критериев этих нормативных систем и в настоящее время нами уже отмечалось. Вторым моментом являются практики контроля и подавления: воспитание, наказание, исправление и т. д. Третий шаг – все, что становится запретным, девиантным, становится притягательным. Причем психология и другие науки ищут причину отклонений и находят ее именно в сексуальности, которая таким образом становится камнем преткновения и причиной всех бед. М. Фуко писал, что «понятие секса позволило, во-первых, перегруппировать с некоторым искусственным единством анатомические элементы, биологические функции, поведения, ощущения и удовольствия, а во-вторых – позволило этому фиктивному единству функционировать в качестве каузального принципа, вездесущего смысла, повсюду требующей обнаружения тайны: секс, таким образом, смог функционировать как единственное означающее и как универсальное означаемое».⁸³

Основная заслуга М. Фуко состоит в том, что он одним из первых показал, что понятие сексуальности является, прежде всего, культурно-историческим и возникает в период индустриальной цивилизации наряду с отклонениями, а в первое время своего существования и как единственная их причина. Именно научная рациональность как основополагающий ориентир Нового времени вводит понятия нормативности, девиантности и асимметричного контроля девиантности, когда отклонения в «плохую» сторону осуждаются и контролируются, а в «хорошую» – поощряются. В целом в индустриальном обществе получили легитимность три критерия нормативности: целесообразность (адаптивность), моральность (ценность, особенно после употребления этого термина А. Смитом в политэкономии) и рациональность (научность). В своей тесной взаимосвязи они выступили конструирующими элементами социальной нормативности. Отклоняющееся, девиантное поведение всегда отражает общественную, социальную сторону функционирования личности.

Наряду с термином «девиантность» существует довольно большой тезаурус, который отражает многообразие поведенческих проявлений, с одной стороны, и семантическую неопределенность предмета девиантологии – с другой. Такими терминами выступают: «асоциальное», «делинквентное», «аномальное», «перверсное», «аддиктивное», «патологическое», «парафильное», «патохарактерологическое поведение» и ряд других. Наиболее общее определение девиантного поведения – это поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующее официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям.⁸⁴ Выделив три критерия нормативности, можно говорить о трех относительно независимых, иногда вступающих в противоречия и, соответственно, образующих двойные стандарты социальных нормативных системах, в совокупности определяющих специфический культуральный нормативный код.

Спектр девиантного поведения чрезвычайно широк и варьирует от пропусков занятий студентами или школьниками, неучастия в выборах до совершения тяжких криминальных актов. Поэтому существование одинаковых теоретических схем изучения девиантности всегда остается проблематичным. Так, предлагаемые типологии девиантного поведения по временному критерию подразделяются на вреуменные, или транзиторные, и постоянные, или устойчивые. Транзиторные чаще всего являются ситуационно зависимыми, могут трактоваться в рамках групповой динамики и связываются с механизмами психического подражания. Сама по себе реакция группирования со сверстниками (или определенной референтной группой) является нормальной характерологической реакцией преимущественно подросткового возраста.⁸⁵ Устойчивые, постоянные формы девиантного поведения характеризуются отрывом от ситуационных, пусковых моментов и собственной внутренней динамикой сво-

---

⁸³ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону власти, знания и сексуальности. – М., 1996. – С. 262.

⁸⁴ Гилинский Я. И. Девиантология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 156.

⁸⁵ Личко А. Е. Психиатрия подросткового возраста. – М., Медицина, 1985. – С. 241–244.

его развития, что, соответственно, сближает их с патохарактерологическим и психопатическим развитием личности. Устойчивые девиации отличаются монофеноменологической картиной, при неустойчивых девиациях отмечается частая смена клинических и социальных форм отклоняющегося поведения.

Последние встречаются значительно чаще и отражают степень нарушения влечений, т. е. вовлеченность патобиологического уровня. По степени оформления подразделение осуществляется на структурированные и неструктурированные формы. При этом транзиторные девиации являются неструктурированными. По направленности деструктивного поведения девиантные формы могут подразделяться на направленные вовне, внешнее окружение (соответственно различаясь по степени дифференцированности объектов, на которые направлено деструктивное поведение) и на себя – аутодеструктивные формы. Аутодеструктивные также варьируют в широком диапазоне проявлений – от крайних острых форм (суицидальное поведение) до хронических (например, аддиктивное пищевое поведение). По степени осознанности, рефлексивности также отмечается вариативность по шкале сознательного-бессознательного.

Системный анализ девиантных и криминальных форм поведения в историческом аспекте принадлежит одному из основателей социологии, французскому исследователю Э. Дюркгейму и впервые был им сформулирован в теории аномии. Одно из основных преимуществ данной теории заключалось в том, что она была сформулирована в предельно обобщенных понятиях социального хаоса, дезорганизации и социальной упорядоченности, в понятиях, отражающих степень социального порядка. Сформулированная Э. Дюркгеймом теория аномии предполагает, что во время социальных кризисов и дезорганизации у людей теряются нормативные ориентиры, что является причиной девиантного поведения. Кроме того, ряд естественных, постоянно происходящих процессов (миграция, межнациональные конфликты и двойные стандарты поведения) также служат причиной социального хаоса.

Э. Дюркгейм первым высказал точку зрения, что общество есть особая реальность, не сводимая к отдельным индивидам. Любая система определялась им как единицы (элементы), ее составляющие, и отношения между ними. А. Рэдклифф-Браун⁸⁶ на основе идей Дюркгейма рассматривал социальную систему как состоящую из:

- 1) социальных структур – суммы всех отношений индивидов в рассматриваемый момент времени;
- 2) социальных обычаев и институтов (где обычаи – совокупность норм поведения, и социальные институты – нормы поведения определенной формы социальной жизни – семьи, клана, племени, государства);
- 3) специфические образы мыслей и чувств, связанные с социальными нормами поведения.

Соответственно методами системно-социальных исследований, на основе теоретических разработок Э. Дюркгейма, являются:

- а) функциональный анализ, определение места и роли изучаемого явления в функционировании социума;
- б) структурный анализ, выявление структур или инвариантов поведения людей в различных видах общественных отношений;
- в) сравнительный анализ – поиск универсалий человеческого поведения, обнаруживаемого во всех человеческих обществах.

Положительное значение девиантности Э. Дюркгейм видел в укреплении роли ценностей, представленности многообразия форм человеческого поведения, очерчивании границ

---

⁸⁶ Рэдклифф-Браун А. Методы этнологии и социальной антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. – СПб., 1997. – С. 604–611.

нормативности и развитии систем идентификации общества в целом. Хотя сама теория аномии в литературе неоднократно подвергалась критике, основная мысль о социальной дезорганизации как источнике девиантности поведения считается в настоящее время общепризнанной.

Теория аномии за период своего длительного существования неоднократно дополнялась и видоизменялась. Р. Мертон внес значительные дополнения за счет подробного анализа реакций субъекта на фрустрирующие ситуации. Основная причина девиантности, по его мнению, заключается в разрыве между целями в обществе (критерий целесообразности) и социально одобряемыми средствами осуществления этих целей. Таким образом, он выделял пять типов поведения индивида в обществе: конформность, инновация, ритуализм, ретреизм и бунт. Работы Р. Мертона позволили соотнести определенные поведенческие типы с социальными ролями отдельного индивида и социальными структурами общества. Именно на уровне формирования социальных структур любое общество, существующее даже в архаических формах, должно поставить сексуальное поведение своих подданных под определенный контроль и интегрировать в своих структурах. Р. Мертон одним из первых осуществил системный подход к анализу норм регуляции сексуального поведения и квалифицировал эти нормы на предписывающие, разрешающие и запрещающие.⁸⁷ При этом для анализа социальных структур он использовал так называемые «естественные» сексуальные отношения. Основным каркасом социальной структуры для регуляции такого поведения он выбрал брачный статус, родство, социальную стратификацию, особые социальные статусы, особые события и обстоятельства и сексуальное поведение в целом. Соотношение предмета регулирования и норм представлено в таблице I.⁸⁸

В результате обширного антропологического исследования был сформулирован вывод о том, что для большинства изученных культур регулированием сексуальных отношений является не половой акт, а различные социальные феномены, по отношению к которым он играет одну из наиболее значимых ролей (системы родства, воспроизводство, ритуалы и социальные статусы).

Таблица 1

---

⁸⁷ Merton R. Inter-marriage and the Social Structure: Fact and Theory // *Psychiatry*. V. 4. 1941. P. 322.

⁸⁸ Мердок Дж. П. Социальная структура. – М., ОГИ, 2003. – С. 341.

Регуляция различных форм сексуального поведения (по Дж. Мердоку, 2003)

Предмет регулирования	Запрещающие нормы	Разрешающие нормы	Предписывающие нормы
Секс в целом	Запрет внебрачного секса	Промискуитет	Сексуальное гостеприимство
Брачный статус	Запрет адюльтера	Добрачная сексуальная свобода	Супружеские обязанности
Родство	Противоинцестуозные запреты и экзогамия	Разрешение смешанных браков	Предпочтительные брачные партнеры
Социальная стратификация	Кастовая, классовая и этническая эндогамия	Сексуальные привилегии	Гипергамия
Особые статусы	Статусное целомудрие и целибат	Сексуальные привилегии	Особые сексуальные обстоятельства
Особые обстоятельства	Ритуальное половое воздержание и репродуктивные сексуальные табу	Ритуальный промискуитет	Обязательные сексуальные ритуалы

Брачные отношения служат основным предметом социального регулирования, что вполне согласуется со свободой добрачных сексуальных отношений в большинстве обществ. Вместе с тем круг брачных отношений ограничивается факторами этнической или социальной стратификации. Несмотря на значительный разброс в нормативной регуляции сексуального поведения «единственным по-настоящему универсальным типом сексуального урегулирования можно считать регулирование сексуальных отношений между родственниками. Запрещающие нормы этого типа распадаются на две основные категории: противоинцестуозные табу и экзогамные ограничения».⁸⁹ Все половые отношения в социальном плане разделяются на семь основных категорий, представленных с объяснениями в таблице 2.

Таблица 2

⁸⁹ Там же. С. 346.

Социальные категории сексуальных отношений

Категория половых отношений	Объяснение
Брачная сексуальность	Сексуальность с соблюдением всех социальных норм
Инцест	Сексуальность с партнером в реальном или искусственном родстве
Мезальянс	Партнеры различные по социальной стратификации
Нарушение статусного целомудрия	Социальный статус одного из партнеров, требующий целомудрия
Сексуальная невожатанность	Сексуальность с нарушением культуральных запретов
Нейтральные сексуальные связи	Лица, не являющиеся брачными партнерами, но и не нарушающие никаких социальных норм
Адюльтер	Сексуальные отношения вне брака. Один из партнеров состоит в браке

В зависимости от способов, посредством которых социум решает проблемы, возникающие с нарушениями сексуальных норм, общества распадаются на две группы. Общества первой группы «полагаются, прежде всего, на глубокую интернализацию сексуальных запретов в процессе социализации. Табу внушаются посредством системы наставлений и санкций настолько основательно, что становятся как бы “второй природой”. Одна только мысль об их нарушении порождает в социализированном индивиде чувство вины; в результате общество может позволить себе решать проблему предотвращения отклоняющегося поведения, опираясь, прежде всего, на совесть своих членов. Другая группа обществ, по всей видимости, не добивается такого большого успеха в интернализации запрещающих норм сексуального поведения. В результате они не могут полагаться на индивидуальную совесть как достаточный гарант соблюдения табу и вынуждены выработать дополнительные гарантии их соблюдения в виде разного рода механизмов внешнего контроля над поведением индивидов».⁹⁰ В основном это внушение этики добрачного целомудрия и брачной верности, в процессе социализации больше направленные на женщин.

В то же время практики социального контроля в других группах обществ также касаются, в первую очередь, лиц женского пола: затворничество незамужних девушек, сопровождение их гувернантками или укрывание чадрой, содержание в гаремах и постоянный надзор. Таким образом, контроль девиантности также идет двумя способами – выработка морали у социализируемого индивида или постоянный внешний контроль, но последний в

⁹⁰ Там же. С. 352.

структуре традиционных обществ идет на уровне семьи и брачных отношений, а не социальных институтов. Соответственно тяжесть санкций при нарушении норм также различна.

Следующим шагом в системном изучении девиантных и криминальных форм поведения следует считать работы американского социолога Т. Парсонса. В его исследованиях понятиям девиантности и конформности отводится центральное место в теории социального действия.

Т. Парсонс развивает два основных направления в исследовании общества – акционалистский (деятельностный) и системный анализ. Деятельность характеризуется, прежде всего, системой координат, которая характеризуется:

- 1) минимальным набором структурных элементов действия – целей, средств, условий и норм;
- 2) существованием нормативной ориентации действия;
- 3) временным измерением действия;
- 4) субъективным характером действия.⁹¹

Одной из главных характеристик действия является ориентация «эго» на ситуацию. Т. Парсонс выделяет два типа ориентаций – мотивационную и ценностную. Мотивационная подразделяется на три компонента – когнитивный (отражающий интересы действующего лица), «катектический» (придающий субъективное значение данной ситуации) и оценочный.

Ценностная ориентация, включающая «внешние символы», которые регулируют поведение людей, также состоит из трех компонентов (когнитивные, оценочные и моральные стандарты).⁹²

Любое действие в теории Т. Парсонса рассматривается в трех системах координат, схематично представленных на рисунке 1.

Личность		Культура		Социальная система
Действующее лицо (субъективная сторона действия)		Культуральные образцы действия		Другие действующие лица
Цели и средства		Общие ценности и нормы		Социальные статусы и роли

Рис. 1. Пространство социального действия (по Т. Парсонсу, 2000).

Личность у Парсонса представляется как «организованная система ориентации и мотивации действий индивидуального субъекта, где организующими моментами являются потребности-установки и потребности-предрасположенности». ⁹³ Личность как система представляет собой: 1) взаимосвязность и совместность действий отдельного субъекта; 2) организацию действий с помощью диспозиции потребностей.

Понятие девиантности связано у Т. Парсонса с мотивационными структурами. Мотивация девиантного поведения является результатом процессов социальной коммуникации в прошлом. Противопоставляя девиантность социализации, следует отметить, что девиант-

⁹¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., Академический Проект, 2000. – С. 273–274.

⁹² Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура. Личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: Тексты. – М., Педагогика, 1994. – С. 456.

⁹³ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., Академический Проект, 2000.-С. 421.

ность может возникнуть на любом этапе социализации – внедрении, адаптации и интеграции. Конкретный «актор» выступает не в одной роли, а во множестве ролей, которые между собой могут находиться в противоречии, что порождает как сложную систему нормативных стандартов, так и двойные нормы. Девиантность выступает как главная ось анализа социальных систем, который основывается на двух моментах:⁹⁴

1) структура отношений действия сосредоточивает весь анализ на вопросе нормативной и ценностной ориентации;

2) мы имеем дело с «несущей конструкцией» для того типа системы, которая определяет то, что понимается под интеграцией системы.

Мотивации, связанные с негативными ожиданиями, у Т. Парсонса получают название алиенативной потребностной диспозиции (от *alienatio* – отчуждение), а позитивные ожидания определяют конформную потребностную диспозицию. Преобладание конформного компонента над алиенацией ведет к компульсивной конформности, а преобладание алиенативного – к компульсивной алиенации. Для дифференцировки направления девиантной мотивации Т. Парсонс вводит две шкалы: пассивности/активности и различия фокусировки на одном из компонентов интерактивной системы действия, социальных объектах, «другой» и нормативных моделях. В результате получается многомерная модель девиантной мотивации, представленная на рисунке 2.⁹⁵

	Активность	Пассивность
Конформность	<p>Компульсивная ориентация поведения</p> <p>Фокусировка на социальных объектах Фокусировка на нормах</p> <p>Доминирование Компульсивное принуждение</p>	<p>Компульсивное молчаливое согласие</p> <p>Фокусировка на социальных объектах Фокусировка на нормах</p> <p>Подчинение Перфекционистское соблюдение</p>
Алиенация	<p>Мятежность</p> <p>Агрессивность по отношению к социальному объекту Неисправимость</p>	<p>Уход</p> <p>Компульсивная зависимость Бегство</p>

Рис. 2. Многомерная модель девиантной мотивации (по Т. Парсонсу, 2002)

Теория девиантности Т. Парсонса – это интерактивная система, где, с одной стороны, действует структура потребностей индивида, «эго», с другой – нормативные социальные стандарты с учетом социального объекта, «другой». Интерактивная система действует в направлении мотивационной системы «эго» с тем, чтобы «создавать мотивацию конформности по отношению к ожиданиям общепринятой системы нормативных моделей, и санкции в таком “нормальном” случае действуют в направлении усиления этой мотивации».⁹⁶ Следовательно, идет процесс либо перестройки мотивационной системы, либо алиенации личности, т. е. «образование порочного круга интенсификации алиенативных компонентов».⁹⁷

⁹⁴ Парсонс Т. О социальных системах. – М., Академический Проект, 2002. – С. 363.

⁹⁵ Там же. – С. 371.

⁹⁶ Там же. – С. 388.

⁹⁷ Там же. – С. 389.

Элемент неструктурированности в системе ожиданий может происходить из расплывчатого определения самих нормативных моделей или способов их применения, т. е. прозрачность, диффузность границ норм и ценностей, их различие/неразличие (безразличие) отражаются в хаотичности мотивационных потребностей.

Другим важным условием в образовании девиантной мотивации является структура мотивационной модели «другого». «Если собственная мотивационная структура другого является амбивалентной в каком-либо отношении, релевантной проблеме конформности, “другой” и “эго” могут начать “последовательно работать друг на друга”, создавая порочный круг». ⁹⁸ Тем самым Т. Парсонс вводит в системный анализ девиантности принцип обратных связей и взаимоиндукцию девиантности. В основе образования порочного круга рассматриваются два механизма: «соучастие по преступлению», когда потребностные диспозиции «эго» и «другого» взаимно поощряют девиантные тенденции и «интенсификации конфликта», когда алиенативная потребностная диспозиция усиливает конфликт. Этот механизм заставляет «эго» сильнее чувствовать, что «другой» сам амбивалентен и якобы «тайно» одобряет девиантные тенденции. ⁹⁹

Указанные механизмы достаточно точно моделируют генез девиантных и криминальных форм сексуального поведения. Механизм «соучастия по преступлению» может быть применим для рассмотрения преступлений «против морали» и большинства форм сексуальных девиаций. В основе сексуальных преступлений агрессивно-насильственного характера лежит механизм «интенсификации конфликта» частыми обвинениями жертвы как «амбивалентного другого».

В процессе социальной динамики, в цивилизационных процессах, распад одного из социальных институтов ведет к высвобождению большого числа свободных форм поведения, которые для обеспечения порядка должны быть институционализированы другими социальными институтами. Так, социальный институт семьи претерпел эволюцию в цивилизационном процессе и практически распался в постиндустриальном обществе, высвободив большое количество девиантных форм сексуального поведения. А. Кинси, несмотря на многочисленную критику в предвзятости в его адрес, был прав, выявив путем социологических методов значительный процент девиантов (геев и лесбиянок). Он исследовал американское общество на пороге постиндустриальной цивилизации и культуры постмодерна, т. е. в переходный период, когда степень социального хаоса возрастает. Однако решающую роль в отношении общества к сексуальным девиантам и формировании нравственности сыграл не А. Кинси, а политики, которые в сексуальных меньшинствах увидели, в первую очередь, голоса избирателей в своих предвыборных кампаниях. Другими факторами, оказавшими влияние на данный процесс, стали: упадок другого социального института – церкви, и «эпистемологический скандал» в психиатрии о признании гомосексуальной ориентации нормативной.

При рассмотрении вопросов нормативности и институционализации различных форм поведения необходимо обратить внимание и на системы ценностей. Любая социальная норма получает свое воплощение при соотношении с ценностями. Эволюция систем ценностей в цивилизационном аспекте представлена в работе Ж. Бодрийера. ¹⁰⁰ Он выделяет историческую схему трех порядков «симулякров» (от лат. *simulacr* – подобие, призрачность). Симулякры первого порядка основаны на естественном законе ценности, второго – на рыночном законе стоимости и третьего порядка – на структурном законе ценности. Третий порядок, основанный на структурном законе ценностей, предполагает, что каждая структура или конфигурация переосмысливается следующей за ней, новой, и создается новый

---

⁹⁸ Там же. – С. 390.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Бодрийер Ж. Смерть и символический обмен. – М., Добросвет, 2000. – С. 111.

разряд симулякров. Такая система ценностей постиндустриального общества хорошо вписывается в понятия нравственного релятивизма и консенсусной морали, что отражает реальное положение вещей в настоящее время.

Одним из крупнейших теоретиков системного анализа социальных систем и моделей девиантности в настоящее время является немецкий исследователь Н. Луман. Отойдя от структурных моделей общества, рассматривая их структуру как сетевую, он вводит понятия самоорганизации и аутопойезиса. Связь теории личности и девиантности в современном обществе Н. Луман уже определяет не через системы социальных ролей, а посредством более глобальных категорий включенности и исключенности в процессах сетевой структуризации. Если понятие алиенации у Парсонса представляет социальное отчуждение в различной степени и из различных социальных структур, то сетевая организация социума – единая структура и исключенности личности есть полное удаление из социальных сетей. Процесс исключения личности из социума представляется как постепенный разрыв связей – потеря квалификации в стремительно изменяющемся мире, проблемы идентичности, возрастание зависимости от служб социальной помощи и т. д. Такие процессы исключенности будут неизменно сопутствовать процессам глобализации современного общества. «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего столетия (XXI в. – Н. И.) примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различают рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах мы уже можем наблюдать это состояние».¹⁰¹ Следствия процессов исключения становятся совершенно очевидными, «именно “исключенные” составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности».¹⁰²

Из современных отечественных исследований, посвященных системной оценке девиантного и криминального поведения, следует остановиться на работах Я. И. Гилинского и Д. Ли.¹⁰³

Я. И. Гилинский отмечает факт наличия общих закономерностей в генезисе девиантности и в то же время их имплицитный характер. В отношении системного исследования девиантного поведения важна такая специфика, как «накладывание» одних форм девиантности на другие с усилением проявлений или же их способность «гасить» друг друга. Таким образом, правомерна постановка вопроса об «интерференции» различных форм девиантного и криминального поведения. Так, еще М. Н. Гернет¹⁰⁴ писал о том, что женская преступность находится в обратной зависимости от распространенности проституции.

Другим аспектом, отмеченным Я. И. Гилинским, является чувствительность девиантного и криминального поведения к среде. Так, в периоды экономических кризисов увеличивается корыстная и снижается насильственная преступность. У лиц с девиантным поведением отмечен низкий уровень потребления культуры и высокий уровень различных форм социальной активности, «пассионарности», в терминологии Л. Н. Гумилева,¹⁰⁵ что позволяет говорить о повышенном «балансе социальной активности» и снижении конформности девиантных форм поведения, особенно в переломные исторические периоды и периоды эконо-

¹⁰¹ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. – М., 1998. – С. 94–108.

¹⁰² Гилинский Я. И. Девиантология. – СПб., 2004. – С. 172.

¹⁰³ Там же; Ли Д. Преступность в России: системный анализ. – М., Гелва, 1997.

¹⁰⁴ Гернет М. Н. Избранные произведения. – М., 1974. – С. 140.

¹⁰⁵ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 1992. – С. 32.

мической дестабилизации. Такое расширенное понимание девиантных форм поведения как социального хаоса и аномии позволяет проследить конструктивную роль отклоняющегося поведения, когда в хаотичности в потенциальном виде существует возможность зарождения новых социальных структур, что принципиально согласуется с моделями этногенеза.

Девиантность выступает как «полоса свободы, которую мир оставляет в распоряжении эволюционирующего общества, уже выполнившего долг адаптации, т. е. набор неперменных заданий заполняется комплексами поведения, поначалу случайными. Однако со временем они застывают в процессах самоорганизации в такие структуры норм, которые формируют внутрикультурный образец “человеческой природы”, навязывая ему схемы долженствования и повинности», – писал С. Лем.¹⁰⁶

В работе Д. Ли системный анализ преступности проводится, исходя из модульной теории социума, где модуль представляет измерение кратных соотношений и является единицей системного анализа. Модуль, с одной стороны, рассматривается с позиции общей теории систем, с другой – сопоставляется с общественными дисциплинами. Модуль с позиции социальной онтологии выступает как структурно-функциональная единица. Вполне справедливо исходной позицией такого анализа выступает положение о том, «что преступность – это не простое множество преступлений, совершенных на данной территории (глобализация современного мира ведет к транснациональной преступности) за конкретный период времени, а прежде всего их система, которая во всем мире развивается по определенным, неведомым пока людям законам, вне зависимости от их воли и желания».¹⁰⁷ Основное достоинство данной работы – в изменении модели причинно-следственных отношений в криминологии. Д. Ли отмечает: «...если при изучении конкретного преступления правомерно говорить о конкретных причинах и условиях, его вызвавших, то при исследовании преступности как социального явления причинно-следственный подход будет неадекватен».¹⁰⁸ Система с нарушенными причинно-следственными связями является недетерминируемой и самоорганизующейся системой, которая может быть описана моделями нелинейных динамических систем, где свойство нелинейности означает для системы то, что она развивается различными путями.¹⁰⁹

Связь конкретного преступления и преступности в целом – это микро- и макроуровень системного подхода. Соответственно можно говорить о применении общеполитических категорий общего, особенного и частного (единичного).¹¹⁰ Так, все данные, отражающиеся в уголовной статистике, подразделяются на два вида:¹¹¹

- 1) относящиеся к преступлению;
- 2) относимые к преступнику.

Таким образом, они являются сопоставимыми с категориями общего и особенного, тогда как отдельное преступление как индивидуальный акт поведения будет соотноситься с категорией частного (единичного).

Исходя из модульного анализа социума, выявляются устойчивые доли девиантов и преступников в стабильном обществе без социальных катаклизмов. Приводя анализ литературных данных, Д. Ли отмечает, что сексуальная девиантность в отношении гомосексуалистов и лесбиянок равна 5 %, браки между близкими родственниками (инцестные браки) состав-

¹⁰⁶ Лем С. Модель культуры // Вопросы философии. 1969. № 8. – С. 51.

¹⁰⁷ Ли Д. Преступность в России: системный анализ. – М., Гелва, 1997. – С. 11.

¹⁰⁸ Там же. – С. 14.

¹⁰⁹ Князева Е. Н. Курдюмов С. П. Основания синергетики. – СПб., Алетейя, 2002. – С.364.

¹¹⁰ Философский энциклопедический словарь. – М., Советская энциклопедия, 1984. – С. 40.

¹¹¹ Вицин С. Е. Моделирование в криминологии. – М., 1973. – С. 39.

ляют 6 %, количество преступников в конкретном обществе – 5,6 %, что «служит необходимым условием самоорганизации системы».¹¹²

Рассмотрев различные нормы как элементарные составляющие сложной системы и различные подходы к анализу отклоняющегося девиантного поведения в рамках этой системы, необходимо отметить еще один момент. Теории девиантности связаны в основном с социальной организацией и мало общего имеют собственно с индивидуальной личностью и индивидуальным поведением. Индивидуальность, идентичность есть постоянный динамический процесс самоорганизации. И, соответственно, с позиций биокибернетики поведение человека определяется как «сложная, вероятностно-детерминированная система со способностью к самоорганизации»¹¹³

Э. Эриксон строил теорию личности как эпигенетические процессы, в основе которых лежит смена стадий идентичности. При этом в понятие идентичности вкладывалось не что-то окончательно заданное и сформированное, а постоянный динамический процесс, в формировании которого принимают участие различные системы идентификации – базовая, ролевая, персональная. Если идентичность, прежде всего, нужно рассматривать как единство поведения и самосознания,¹¹⁴ то процесс идентификации – это нелинейный динамический процесс, в основе которого лежат биологические, социальные и психические обратные связи в цикле поведение – восприятие (осознание) – поведение и т. д. В теории нелинейных динамических систем такие повторяющиеся процессы называются итерациями. Исходя из изложенного «аномальность может быть интерпретирована как изменение способности к самоорганизации. Самоорганизация в биокибернетике понимается как средство и как метод обеспечения оптимизации процессов, происходящих в системе. Внешний аспект оптимизации в приложении к человеку – адаптация, внутренний – поддержание гомеостаза. Следовательно, понятие аномальности должно отражать нарушение адаптации и гомеостаза».¹¹⁵

Определив социальные нормы по содержанию как лингвистические и рассмотрев понятия глоссы как единства восприятия и поведения, можно говорить, что на ролевом уровне формирование идентичности идет за счет социальных норм также в итерационном процессе поведение – восприятие – поведение, где содержание этого процесса, т. е. формирование идентичности, задано социокультуральными нормами и ценностями. На биологическом уровне такие циклы обратных связей формируют базовую идентичность индивида. Соответственно отклонения в той или иной нормативной системе будут искажать соответствующие динамические процессы формирования идентичности. Такое нарушение, известное как синдром диффузной идентичности, на практике встречается у большинства лиц с девиантными и криминальными формами поведения. Специфические нарушения половой идентичности (базовой, ролевой, персональной) отмечаются в значительном количестве среди лиц с криминальным сексуальным поведением. Тесную взаимосвязь нормативных систем, поведенческих проявлений и систем идентичности отражает тот факт, что значительная доля лиц с криминальным, сексуальным поведением ранее сама подвергалась сексуальному насилию. «Человек может принимать себя только в определенном качестве, когда не страдает его “Я”-концепция».¹¹⁶

---

¹¹² Ли Д. Преступность в России: системный анализ. – М., Гелва, 1997. – С. 38.

¹¹³ Цит. по: Введенский Г. Е. Клинико-диагностические аспекты аномального сексуального поведения. Автореф. дис... канд. мед. наук. – М., 1994. – С. 7.

¹¹⁴ Введенский Г. Е. Нарушения половой идентичности и психосексуальных ориентаций у лиц, совершивших противоправные сексуальные действия. Дис... докт. мед. наук. – М., 2000. – С. 34.

¹¹⁵ Введенский Г. Е. Клинико-диагностические аспекты аномального сексуального поведения. Автореф. дис... канд. мед. наук. – М., 1994. – С. 7.

¹¹⁶ Антонян Ю. М. Причины преступности в России // Преступность в России. Причины и перспективы. – М., ВНИИ МВД РФ, 2004. – С 9–11.

Кроме того, поведение всегда есть процесс коммуникации, изменение возможности коммуникации дает принципиально новые возможности изменения форм поведения, что касается и реципрокных форм сексуального поведения, и новые возможности формирования идентичности. Этот момент также необходимо учитывать как новый фактор в отношении девиантного и криминального поведения. Такие новые возможности представил Интернет, и, соответственно, отмечается возникновение новых составов преступлений.

Проблема идентичности и осознания себя и «другого» затрагивает не столько аспект коммуникации, но в большей степени – метакоммуникацию. Если коммуникация – это аспект, касающийся содержания, то метакоммуникация, в первую очередь, взаимоотношение, при этом последнее классифицирует первое.

Онтологию любого поведенческого акта современные теории рассматривают в трех плоскостях: биологической, социальной и психической. Иногда онтология модифицируется, исходя из поставленных задач. Так, например, анализ психопатологических факторов в криминальном поведении позволяет говорить о личности, ситуации и психопатологии в генезе отдельного поведенческого акта. Соответственно онтология поведения традиционного общества рассматривала две реальности сакрального и профанного. Другой онтологической плоскостью является противопоставление хаотического и упорядоченного. В противоположность этим онтологическим размерностям анализа поведения гносеологические схемы исходят из понимания целесообразности, направленности на цель, адаптивности, ценностного значения и рациональности, осмысленности.

Структура криминального сексуального поведения в целом может быть формализована как состоящая из трех компонентов: 1 – насилие или стремление контроля (метакоммуникация), 2 – агрессивность (гнев, выраженность эмоциональных, аффективных компонентов) и 3 – сексуальность (психологический компонент, коммуникация). Каждое индивидуальное поведение будет характеризоваться различной выраженностью этих компонентов. Отсутствие насилия дает агрессию и сексуальность, отсутствие сексуальности – сплав агрессивно-насильственного поведения. Несмотря на то, что мы говорим о сексуальных преступлениях в целом, в группе насильственных сексуальных преступлений компонент сексуальности всегда отсутствует или принимает психопатологические, парафильные формы.

Рассматривая любой процесс коммуникации как: 1) информационный процесс, 2) интеракцию, взаимодействие и 3) перцепцию, можно говорить о том, что парафильное поведение – это, в первую очередь, перцептивные нарушения.

Изучая онтологию поведения с позиции коммуникации и метакоммуникации, сексуальное криминальное поведение отдельно рассматриваться не может, так как мы получаем взаимодействие, систему «преступник – жертва». Оправданность такого подхода можно найти при анализе серийных сексуальных преступлений, когда одна из жертв выпадает из серии не в силу ситуационных, внешних факторов, а в силу несоответствия ее поведения ожиданиям преступника. Анализ таких случаев представляется особо важным.

Изложенное позволяет наметить системный подход к анализу девиантного и криминального сексуального поведения на основе сравнительного анализа нормативных систем регуляции как в синхроническом, так и диахроническом, историческом аспектах. «В методологических целях следует различать причины существования преступности вообще и причины преступности в данной стране. Первые значительно шире, они связаны со всей историей человечества и определяют такую важную черту преступности, как ее вечность, то есть то, что она была всегда и всегда останется... в любом обществе окажется человек или группа людей, которые не будут согласны с существующей системой распределения материальных и духовных благ или своим местом в межличностных отношениях, со своим биологическим

и (или) социальным статусом...»¹¹⁷ С правовых позиций это квалификация криминального поведения как противоправного, с социальных – оценка общественной опасности, с медицинских – анализ форм аномальной сексуальности и его содержание. Значение каждого из факторов трудно недооценивать.

---

¹¹⁷ Там же.

Глава 2

Сравнительное исследование социально-правовой регуляции сексуального поведения

2.1. Методологические основы системного сравнительного исследования

а) Компоненты системного анализа «личность – общество – культура» и вопросы регуляции сексуального поведения

Рассмотрение системы «личность – общество – культура» отражает многомерность подхода к проблеме человека и его поведения, так как «человек – существо биологическое, социально оформленное и культурно смоделированное, но разные науки исходят порой из разных предпосылок».¹¹⁸

С биологической точки зрения сексуальное поведение человека является избыточным, т. е. занимает значительное большее место в жизни человека, чем требуется для репродуктивных функций в биологии. Предложенная В. А. Геодакяном концепция основывается на представлении о том, что биологический естественный отбор в эволюции трансформировался в половой отбор в социальном обществе.¹¹⁹ Как доказательство избыточности он приводит следующие факты:

- избыточность половых актов на одно зачатие;
- сохранение потребности в них после менопауз, во время кормления и беременности;
- огромная роль сексуальности в жизни, культуре и творчестве человека.

Избыточность форм сексуального поведения, несводимость его только к репродуктивной функции позволяют остановиться на нескольких принципиальных моментах: 1) сексуальность несводима к чисто биологическому поведению; 2) сексуальное поведение не может рассматриваться в рамках одного социального института, так как является широким по своему содержанию и формам проявления; 3) исходным моментом для формирования сексуального поведения и его институционализации выступает социальный институт семьи и 4) в силу своей значимости оно является неотъемлемой частью любой культуры и служит объектом моральной и нравственной нагрузки.

Английский социолог З. Бауман в связи с этим пишет, что «особи, воспроизводящие себе подобных с помощью секса, как правило, наделяются такими запасами сексуальной энергии и способностями к сексуальным контактам, которые значительно превосходят необходимые для процесса воспроизводства».¹²⁰ Эта избыточность сексуального поведения выливается на протяжении истории в различные стратегии поведения, на регуляцию и контроль которого направлены социальные институты.

Сексуальное поведение как отдельного человека, так и совокупности индивидов или определенной социальной группы есть, прежде всего, взаимное поведение, акт коммуника-

---

¹¹⁸ Альбедиль М. Ф. Зеркало традиций. – СПб., Азбука-классика, 2003. – С. 17–18.

¹¹⁹ Геодакян В. А. «Посох слепого» (Что такое культура с точки зрения биологии?) // Взаимоотношения человека и культуры: теоретико-информационный подход. – Таганрог, 1998. – С. 70–79.

¹²⁰ Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., Логос, 2002. – С. 277.

ции, взаимодействия, за редким исключением случаев, носящих выраженный психопатологический характер, о которых стоит говорить отдельно. Сексуальное поведение все равно следует рассматривать как взаимодействие, даже если оно не носит обоюдного, договорного характера. Соответственно с позиции системного анализа оно может быть рассмотрено двояко: направленное на интеграцию, поддержание целостности внутри определенной социальной структуры и направленное на дифференциацию, различение частей системы. Типология такого поведения предусматривает три возможных варианта¹²¹ – симметричное, комплиментарное и асимметричное (реципрокное). Сексуальное поведение лежит в основе создания социальных норм поведения. При этом выделенные формы коммуникативного поведения относятся как к отдельным индивидам, так и к взаимоотношениям целых социальных институтов и культур, т. е. являются универсальными паттернами поведения. Кроме того, «у каждой коммуникации есть аспекты, касающиеся содержания и взаимоотношений, при этом последний классифицирует первый и, следовательно, является метакоммуникацией».¹²² Соответственно поведение может быть рассмотрено в двух системах координат: коммуникация и метакоммуникация; симметричное, комплиментарное и асимметричное, реципрокное.

Другим, наряду с личностью, компонентом системного анализа является общество, которое может быть рассмотрено как *социальные институты и социальная динамика*.

Социальный институт представляет собой исторически сложившуюся, устойчивую форму организации совместной деятельности людей. К таким институтам относятся семья, производство, государство, образование, собственность, церковь и др. В историческом аспекте наиболее древним является институт семьи, поэтому «социальные институты можно рассматривать как ткани, а семью – как клетку общества».¹²³ Социальные институты являются довольно устойчивыми образованиями, и длительность их существования несравнима с продолжительностью отдельной человеческой жизни. «Институт должен искать себе основу в обычае, подкрепляя себя силой. Фактически институты – это совершенные отражения нравственного несовершенства человеческой природы», – отмечал один из основателей цивилизационного подхода А. Тойнби.¹²⁴ В социологии традиционно выделяются четыре функции, которые выполняют социальные институты.

I. Воспроизводство членов общества.

II. Социализация.

III. Производство и распределение жизненно важных ресурсов.

IV. Контроль за поведением своих членов.¹²⁵

Социальные институты представляют собой устойчивые связи различных элементов социальной системы, их композицию, состоящую из «ролей», «статусов» и «групповых ожиданий».¹²⁶ Положение отдельного индивида как элемента социальной системы с позиции структуры может быть описано социальным «статусом» (или «позицией»), который должен быть, в первую очередь, *легитимным*, признаваемым всеми другими членами. Легитимность, законность осуществляется посредством социальных норм и опирается на категории должного.

Другая характеристика для описания индивида в социальной системе заключается в понятии «роли» и определяется «как динамический аспект статуса, что раскрывается через перечень тех реальных функций, которые заданы личности группой, содержанием группо-

¹²¹ Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. – М., Смысл, 2000. – С. 98–104.

¹²² Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. – М., Эксмо, 2000. – С. 50.

¹²³ Горелов А. А. Социология. – М., Гардарика, 2002. – С. 99.

¹²⁴ Цит. по: Социальная философия. Ч. 2. – М., 1994. – С. 60.

¹²⁵ Горелов А. А. Социология. – М., Гардарика, 2002. – С. 101.

¹²⁶ Андреева Г. М. Социальная психология. – М., Академический Проект, 1996. – С. 145–148.

вой деятельности».¹²⁷ Социальные роли представляют собой динамические образования, так как при сохранении статуса набор функций в ходе развития и социальной динамики сильно варьирует, поэтому ролевая структура личности может рассматриваться как через функцию *санкционирования* определенного поведения членам социума, имеющим сходный статус. Санкционирование представляет механизм, посредством которого социальный институт направляет поведение индивида на путь соблюдения норм и поддержание социального статуса.

Третий аспект, отражающий положение индивида в социальной композиции, представлен системой «групповых ожиданий», «от каждой роли ожидается выполнение некоторых функций, и не только простой перечень их, но и качество их выполнения».¹²⁸ И таким образом социальный институт контролирует поведение своих членов, происходит *институционализация* их деятельности, придание системы ценностей в рамках социального института.

Третьим компонентом системной оценки является *культура*. Чтобы упорядоченно рассматривать калейдоскоп сексуального поведения в различных культурах, они, в первую очередь, должны быть сопоставимы. Возможность такого сопоставления и сохранение объективности и культурального релятивизма позволяют использовать категории модальной логики. К. Гирц писал: «Наиболее эффективным образом культуру можно проанализировать как символическую систему, “с точки зрения ее внутренних категорий” – путем изолирования ее элементов, выявления внутренних взаимоотношений между этими элементами и последующего характеризования системы в целом в соответствии с центральными символами, вокруг которых она организована, с базовыми структурами, внешним выражением которых она является, и с идеологическими принципами, на которых она основана».¹²⁹

Возможные типы поведения могут конструироваться, исходя из соотношений модальных категорий культур и форм социализации.¹³⁰

Соответственно модальные категории необходимого, возможного и вероятного можно рассматривать как категории культуры, которые лежат в основе рациональности и придают институциональный характер. Аксиологическая модальность (категории хорошего, нейтрального или плохого) отражает систему ценностей и имеет санкционированный характер; деонтическая модальность (категории должного, разрешенного или запрещенного) определяет легитимность отдельных типов поведения.

б) Диахронический и синхронический компаративистский анализ

Сравнительное исследование предполагает использование *диахронического* и *синхронического* подходов.

Термин диахрония (греч. *dia* – через, *chronos* – время)¹³¹ отражает развитие системы во времени, или, точнее, это восстановление закономерностей развития системы в различные временные периоды. Синхрония (греч. *synchronos* – одновременно) – имеет два значения. Во-первых, это совпадение во времени нескольких явлений или процессов¹³² или состояние системы в определенный момент времени ее развития, одновременное существование взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. И второе значение термина синхрония –

---

¹²⁷ Там же. – С. 146.

¹²⁸ Там же. – С. 147.

¹²⁹ Гирц К. Интерпретация культур. – М., РОСПЭН, 2004. – С. 25.

¹³⁰ Зильберман Э. К пониманию культурных традиций через типы мышления // Антология гнозиса. Т. 1. – СПб., Медуза, 1994. – С. 44–65.

¹³¹ Современный словарь иностранных слов. – М., Русский язык, 1992. – С. 198.

¹³² Там же. – С. 561.

это нахождение системы в определенном состоянии, не зависимом от временного фактора и/или изменений.

При синхроническом подходе проводится логический и семантический анализ сосуществующих элементов, образующих систему в том виде, в каком она воспринимается коллективным сознанием. Диахронический подход есть исследование в процессе развития системы смены одних элементов другими. Он составляет основу компаративистского ретроспективного анализа или сравнительно-исторической оценки. Следует отметить две особенности синхронического и диахронического анализа применительно к сравнительно-историческому исследованию.

Первая особенность заключается в том, что отдельные элементы системы, выступая в качестве объекта исследования, обладают уникальными свойствами, являются так называемыми плавающими объектами исследования, или куматоидами (греческий термин «куматоид» – волна)¹³³. Плавающий объект отражает именно системное качество и характеризуется тем, что может появляться или исчезать, распадаться. Примерами плавающих объектов исследования в исторической ретроспективе относительно многообразия форм сексуального поведения являются, например, ритуальный промискуитет и храмовая проституция в обществах традиционного типа.

Вторая особенность связана со свойствами исторического времени как такового в отличие от времени физического. Последнее линейно, однонаправлено, асимметрично и равномерно. Историческое время носит более сложный характер, разобраться с особенностями которого целесообразно начать с понятия «осевое время», введенного К. Ясперсом.¹³⁴ Он писал: «Ось мировой истории следует отнести по-видимому ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. . . Появился человек такого типа, который сохранился и по сей день».¹³⁵ «Осевое время» разделяет между собой эпохи и смену рациональности, на смену мифу приходит религиозный логос. Это время образования основных мировых религий. Это период, когда начинает формироваться «персоналистическая личность» за счет религиозной и философской рефлексии, «человек в качестве от дельного индивидуума отважился на то чтобы искать опору в самом себе».¹³⁶ Эпоха «осевого времени» заканчивается формированием крупнейших мировых империй на фоне полного исчезновения культур древности. К. Ясперс отмечает, что народы, не воспринявшие «осевое время», остаются вне истории, те же народы, которые с ним соприкоснулись, сливаются в общей массе, синхронизируются. На смену устным традициям, склонившимся к упадку нравов, как, например, в Римской империи, приходят «священные писания» и своды законодательств. Циклическое время древних цивилизаций принимает вид линейного исторического процесса. Тогда можно говорить, что само историческое время может принимать синхронический и диахронический характер.

Изучая сложную систему «личность – общество – культура» как состоящую из различных элементов, можно говорить, что ее компоненты могут находиться во множестве различных взаимосвязей и соотношений, которые условно могут быть разделены на синхронические и диахронические.

Рассматривая традиционные типы общества, основанные на ритуалах, обрядах и традициях, необходимо отметить отсутствие в них подразделения времени на синхроническое и диахроническое, что было отмечено в исследованиях В. Н. Топорова. Он писал: «Замыкая собой диахронический и синхронический аспекты космологического бытия, ритуал напо-

---

¹³³ Лешкевич Т. Г. Философия науки. Традиции и новации. – М., ПРИОР, 2001. – С. 22–23.

¹³⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., Политиздат, 1991. – С. 31–67.

¹³⁵ Там же. С. 32.

¹³⁶ Там же. С. 34.

минал о структуре акта творения и последовательности его частей, как бы переживал их заново, но с усилением, и тем самым верифицировал восхождение человека в тот же самый космологический универсум, который был создан «вначале»¹³⁷. Аналогичной точки зрения придерживался другой крупнейший исследователь традиционных культур К. Леви-Стросс. Он полагал, что «миф сразу и диахроничен как историческое повествование о прошлом, и синхроничен как инструмент объяснения настоящего и будущего»¹³⁸.

Анализируя разнообразие форм сексуального поведения в различных культурах и типах обществ, существующих в настоящее время, мы получаем диахронический срез этих форм поведения, находящихся в постоянной динамике. Таким образом, синхронический компаративистский анализ можно применять только в сопоставимых по цивилизационному процессу социальных системах, принадлежащих к одной культуре. Множество форм сексуального поведения и форм его социального контроля, рассматриваемых как единая система, постоянно находятся в динамическом процессе. Эта динамика может принимать характер непрерывного, поступательного развития – эволюции или скачкообразных, качественных изменений свойств всей системы – революций. Тогда можно говорить о диахроническом характере эволюционных процессов и революционном – синхроническом. Последний тип динамики в виде революции особенно важен при рассмотрении сексуального поведения, так как произошедшая на Западе сексуальная революция середины прошлого века имеет огромные, в том числе и правовые, последствия для современности. Любые революционные изменения упрощают иерархическую социальную организацию в той сфере, в которой они происходят. Сексуальная революция стерла грани гендерного различия, «синхронизировала» полоролевое поведение. На ее волне возникли движения феминизма, получили легитимность гей-браки, возникли многочисленные организации сексуальных меньшинств, декриминализованы практически любые формы консенсусного сексуального поведения.

Подводя итог изложенному, в методологическом аспекте системных исследований относительно временноуто, хронологического фактора можно отметить следующие особенности. До «осевого времени» К. Ясперса, общества традиционного типа находятся в изолированном синхроничном состоянии, каждое – в «своем» мифологическом времени, имеющем циклический характер. «Осевое время» – время их синхронизации между собой, образование общего для вступивших в него цивилизаций времени, которое принимает линейный, исторический и диахронический характер. Итог такой синхроничности – создание великих империй древности, мировых религиозных систем и, что, на наш взгляд, самое главное, создание нового типа человека, переход от коллективного индивида к социальной, статусно-ролевой, персоналистической личности. Параллельно с созданием персоналистической личности происходит смена социальных институтов контроля поведения, основанных на ритуалах, табу и мифологических схемах, на социальные институты, формирующие самоконтроль поведения на основе идеологических схем, среди последних философские, религиозные и правовые институты играют главенствующую роль.

В свою очередь исторический процесс также складывается из синхронических и диахронических, революционных и эволюционных периодов. Периоды революции или синхронии второго типа происходят внутри социальных институтов, формирующих идеологию, ответственных за самоконтроль поведения, – религии, философии, искусства, науки, и изменения, происходящие внутри этих институтов, касаются отдельных сторон структуры личности и соответствующих форм поведения и принимают участие в создании личностной индивидуальности. Динамика таких революционных процессов на примере социальных

¹³⁷ Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988. – С. 15.

¹³⁸ Мелетинский Е. Клод Леви-Стросс. Только этология? // Вопросы литературы.

институтов науки описана Т. Куном в его эпохальной для гносеологии книге «Структура научных революций».¹³⁹ В этой работе используется термин «парадигма» как идеологический стандарт, стереотип научного мышления, смена которого возможна только революционным путем, но эта революция есть синхрония на уровне коллективного сознания. И, таким образом, синхронический компаративистский (сравнительный) анализ – это исследование системы и ее элементов в том виде, в каком они воспринимаются сознанием.

в) Нормативная и интерпретативная парадигма

Основы интерпретативного подхода можно найти в «понимающей социологии» М. Вебера, «философии жизни» В. Дильтея, «символическом интеракционизме» Дж. Мида и Г. Блумера, и, наконец, они обретают системный характер в исследованиях в рамках феноменологии Э. Гуссерля, герменевтике П. Рикера, антропологии К. Гирца.

Проводя широкие транскультуральные исследования, антропологи получили различные диахронические срезы культур на различных этапах цивилизационного процесса. Подход к анализу такого разнообразия поведенческих проявлений сталкивается с их принципиальной несопоставимостью, отсутствием инвариантов для сравнения. Поэтому семантика социального кода относительно сексуального поведения может рассматриваться исходя из двух современных научных подходов – нормативного и интерпретативного. Если первый основывается применительно к юридическим моделям на понятии правовых норм, то интерпретативный подход приобретает огромное значение в условиях глобализации и межкультурального взаимодействия и базируется на понятии прав и свобод человека и играет главную роль при выработке международных правовых актов.

Использование нормативного и интерпретативного подходов позволяет рассматривать социальное взаимодействие как процесс согласования (консенсуса), с одной стороны, субъективных притязаний личности и, с другой – объективно заданных характеристик развития личности и социума.

Теоретические и методологические принципы интерпретативного подхода в рамках «символического интеракционизма» и феноменологии сформулированы Г. Блумером в статье «Методологические основы символического интеракционизма».¹⁴⁰ Он писал: «Первая предпосылка указывает, что люди действуют в отношении “вещей” на основании значений, которыми для них обладают вещи. Под “вещами” здесь понимается все, что человек воспринимает в окружающем мире: физические предметы... других людей... социальные категории... социальные институты... идеалы... поступки других людей... и ситуации, с которыми человек сталкивается в своей повседневной жизни. Во второй предпосылке утверждается, что значения вещей создаются или возникают во взаимодействии с социальным окружением. Третья теоретическая предпосылка указывает, что эти значения используются и изменяются в процессе *интерпретации* человеком окружающих вещей».¹⁴¹

Развивая интерпретативный подход в рамках антропологии, К. Гирц пишет: «...разделяя точку зрения Макса Вебера, согласно которой человек – это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов, я принимаю культуру за эту паутину, а ее анализ – за дело науки не экспериментальной, занятой поисками законов, но интерпретативной,

¹³⁹ Кун Т. Структура научных революций. – М., АСТ, 2000.

¹⁴⁰ Blumer H. Der methodologische Standort des Symbolischen Interaktionismus // Alltagswissen, Interaction und gesellschaftliche Wirklichkeit / Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen (Hg.). Bd. 1: Symbolischer Interaktionismus und Ethnomethodologie. – Reinbeck, 1973.

¹⁴¹ Цит. по: Ромм М. В. Адаптация личности в социуме. – Новосибирск, Наука, 2002. – С. 63–64.

занятой поисками значений».¹⁴² Такой интерпретативный подход он назвал «насыщенным описанием» (“thick description”) в противоположность «ненасыщенному описанию» (“thin description”), носящий простой описательный, феноменологический характер, без интерпретации возможных значений. Гирц отмечал, что интерпретации культур и цивилизаций представляют собой интерпретации второго и третьего порядка, так как интерпретации первого порядка могут быть даны только человеком, принадлежащим к данной культуре.¹⁴³

Методологический недостаток интерпретативного подхода состоит в том, что данный подход с трудом поддается концептуальному оформлению и систематическим методам оценки, что уже отмечалось в работах К. Гирца. «Заточенная в мире своих собственных фактов, интерпретация часто предстает как обосновывающая саму себя или, что еще хуже, как обоснованная якобы большой проницательностью автора, который ее выдвигает». Положительными моментами интерпретационного подхода выступает тот факт, что «интерпретация чего угодно погружает нас в самый центр того, что она интерпретирует».¹⁴⁴

Соответственно с позиций интерпретативного подхода можно говорить о двух вариантах анализа – феноменологическом, или описательном, “thin description”, и «насыщенном описании», “thick description”. И тогда нормативный или оценочный подход будет занимать промежуточное положение.

Социальные нормы формируются в рамках социальных институтов, и последние будут осуществлять контроль над их воплощением. Используя нормативную парадигму, можно говорить о разделении и эволюции социальных институтов принуждения и контроля над поведением и институтах принуждения к самоконтролю поведения. Впервые такое подразделение было проведено Н. Элиасом.¹⁴⁵ Так, ритуалы в традиционном обществе, институты права в современном относятся к социальным институтам контроля поведения, в отличие от философии и особенно религии, относящихся к институтам самоконтроля. В отношении индивида как члена коллектива действуют императив и табу как контроль над поведением, в отличие от личности, способной к самоконтролю на основе канонов и норм. Кроме того, исходя из определения субъекта уголовного права в ст. 21 УК РФ как лица вменяемого, т. е. способного осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, отчетливо различаются сознание (осознавать) и волевое поведение (руководить). Таким образом, между сознанием и поведением субъекта нельзя ставить знак равенства. Фундаментальная категория воли как способности самоконтроля относится к поведенческой составляющей, и последняя не рассматривается применительно к состояниям сознания. Тогда, наряду с социальными институтами контроля и самоконтроля поведения, можно выделить институты контроля и самоконтроля воли.

На протяжении Средних веков религиозный институт христианства в Западной Европе активно осуществлял, наряду с контролем поведения, контроль сознания, что наглядно отражено в психических эпидемиях, сопровождавшихся истерическими расстройствами, диссоциативными в отношении сознания, и зрительными галлюцинациями. Здесь отмечается различие социальных религиозных институтов Востока и Запада. Восточные, в частности буддизм, даосизм, ориентированы, прежде всего, на контроль и самоконтроль сознания, в противоположность западным, ориентированным на самоконтроль поведения и рефлексивность. Можно говорить об определенных закономерностях развития институтов контроля: в традиционном обществе это контроль поведения и сознания, в последующем идет разделение

---

¹⁴² Гирц К. Интерпретация культур. – М., РОСПЭН, 2004. – С. 11.

¹⁴³ Там же. – С. 23.

¹⁴⁴ Там же. – С. 26–33.

¹⁴⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. – М., Университетская книга, 2001. – С. 235–257.

на контроль и самоконтроль поведения в цивилизациях Запада и контроль и самоконтроль сознания в культуре Востока. Самоконтроль поведения осуществляется за счет рефлексивных механизмов мышления, сознания – за счет различных психотехник по типу медитации.

Христианство, таким образом, ориентировано на персоналистическую, социальную личность, под которой можно условно понимать внешнюю систему ролевого поведения и внутреннюю иерархию ценностей. Такое определение при всем схематизме можно считать довольно удачным, так как в современной психологии количество даже широко распространенных «теорий личности» и, соответственно, определений личности превышает несколько десятков.¹⁴⁶ Самосознание, «эго», “self” как психологическое образование – это структура, ответственная за самоконтроль поведения, но не за сознание как таковое. Принципиально иной подход к понятию личности существует в культуре Востока, где религиозные и философские институты принципиально нераздельны, слиты в единое образование и личности как таковой в сущностном аспекте в европейском понимании просто не существует.

Для западной цивилизации переход от коллективного индивида к социальной личности и персоналистической идентификации шел параллельно с восточной – образованием каст и кастовой идентификации индивида. Различное представление личности в западной и восточной цивилизациях находят отражение и в праве. На Востоке социальные институты права, как и политические институты, носят императивный характер, на Западе – нормативный. Религиозные нормы Запада воплощались в каноны церкви, границы которых были довольно шаткими и укреплялись длительное время в истории с помощью меча и огня, как, например, в Варфоломеевскую ночь. Восточный религиозно-философский синкретизм догматичен. Императивы права и догматы веры также неразделимы, ярким примером чему служит ислам, где Коран выступает основой законов шариата. Другим примером является Китайская империя времен Конфуция, который считал, что чем меньше в государстве законов, тем больше в нем порядка, тогда как на Западе в Римской империи существовали многочисленные дигесты Юстиниана.

Нарушения самоконтроля поведения, нарушения социальных норм образуют широкий спектр девиантного поведения, повсеместно распространенного в современном западном мире. На Востоке подобная проблема просто не ставится, индивид интегрирован в различные социальные институты, которые контролируют его поведение, либо за нарушение законодательного императива он подвергается жестоким санкциям. Так, в большинстве мусульманских стран гомосексуальное поведение карается смертной казнью, которая в большинстве случаев реально исполняется.

Современное общество, построенное на принципах консенсуса правовых норм и морального релятивизма, которые сменяют понятия канонов и императивов, может рассматриваться только в рамках интерпретативного подхода. Основой социальной организации такого общества становится коммуникация, которая сменяет идеологию, и рефлексия как обращенность сознания на себя и обоснование собственных предпосылок¹⁴⁷ заменяется дискурсом. Представления о дискурсе становятся все более распространенными в гуманитарных и общественных науках. Его можно определить как: 1) указание на определенный подход изучения, 2) выражение в языке интересующего явления и логика размышления по поводу явления и 3) анализ дискурса позволяет понять, какие ценности теоретические и прагматические могут быть реализованы.¹⁴⁸

---

¹⁴⁶ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применения. – СПб., Питер, 1997. – С. 31–44.

¹⁴⁷ История философии. Энциклопедический словарь. – Минск, 2002. – С. 883.

¹⁴⁸ Розин В. М. Человек культурный. Введение в антропологию. – М.; Воронеж, Модэк, 2003. – С. 233, 297–298.

Таким образом, дискурс – это определение и расстановка значений, интерпретация, которая осуществляется в акте коммуникации, где в качестве норматива выступает возможность достижения консенсуса.

2.2. Регуляция сексуального поведения в обществах традиционного типа

«Кровь предрассудков – это чернила, которыми написана история».

Марк Твен

«Если история не сохранила нам от какого-нибудь народа ничего другого, кроме его уголовного права, мы в состоянии определить только по нему степень его моральной и интеллектуальной культуры, как естествоиспытатель по найденной кости может реконструировать скелет погибшего животного».

Георг Еллинек

а) Индийская и китайская цивилизации

Рассматривая индийскую цивилизацию как общество традиционного типа, следует отметить специфику понимания права и закона, имеющих значение и в сегодняшнее время. Индия остается развивающейся страной с господством традиционного права, и отношение к правам человека в европейском понимании достаточно неоднозначно. Современный индийский философ права С. П. Синхи считает, что главная особенность его культуры заключается в наличии собственных принципов «добродетельного образа жизни», которые являются неправовыми в европейском понимании этого термина. Одна из его программных публикаций называется «Неуниверсальность права».¹⁴⁹ Социально-правовые нормы носят больше синкретический характер, включая моральные, религиозные и правовые нормы, и в современное время законодательства основываются на традиционной преемственности дхармашастрам – сборникам религиозно-нравственных предписаний (дхарм). С методологических позиций их оценка должна основываться на интерпретативном подходе. Древнейшими дхармашастрами являются: «Законы Ману» («Ману-смрити»), «Архшастра», «Нарада-смрити», «Вишну-смрити», «Брихаспати-смрити», «Катьяна-смрити» и другие комментарии.

Прежде чем рассмотреть социально-правовые нормы регуляции сексуального поведения, нужно отметить главные особенности индийской цивилизации в сфере социальной организации, культуры и личности, имеющие непосредственное отношение к криминологии.

В отличие от стран Запада, где главной основой социальной организации становится семья, в Индии формируются специфические социальные институты варны и касты из первоначальных родоплеменных отношений. «Для каст характерна отчужденность их друг от друга; члены различных каст не могут вступать в браки; у каждой касты в принципе своя исключительная и неизменная профессия. Помимо того, что кастам были присущи эндогамность и общность занятий, касты, в отличие от варн, имели внутреннюю администрацию; члены касты связаны обязательством взаимопомощи, совместным исполнением религиозного культа, регламентацией производственного процесса, определенными правилами общения с членами других каст и т. д.»¹⁵⁰ Окончательно касты сформировались в период Средних веков. Если касты образовались в результате разделения труда и основаны на их

---

¹⁴⁹ Sinha S. P. Non-Universally of Law // Archiv fur Rechts und Sozialphilosophie. 1995. Bd. 81. N2. -P. 185–214.

¹⁵⁰ История Древнего мира. Древний Восток. – Минск, 1998. – С. 156.

месте в экономической жизни общества, то варны образованы как результат отношения социальных групп к государству. Таким образом, касты оформляются внутри варн.

Касты и варны как социальные структуры индийской цивилизации аналогичны клану в китайской культуре и «большой» семье других традиционных культур. Однако клан китайской цивилизации в отношении сексуального поведения и института брака является экзогамным и диахроничным, т. е. имеющим свое историческое время от реального или мифического первопредка, основателя клана. Касты и варны как социальные институты характеризуются эндогамией и синхроничностью. Такое различие находит свое выражение и в регламентации института брака. Если экзогамный брак – это ритуальный «символический обмен», или экономическая сделка, как в Китае, или ритуальное «умыкание» на Руси, то эндогамный брак более обширен по своим формам. Так, индийское право различает девять видов брака, среди которых к «высшим», «дхармическим» бракам относятся браки, когда отец невесты совершает ее дарение.¹⁵¹

Другой важной особенностью социальной структуры выступает тот факт, что семья и индивид не связаны постоянно, как на Западе, где процесс расторжения брака в каноническом праве – процедура неодобряемая или прямо запрещенная. Ашрама – учение о четырех ступенях или стадиях развития человека в его жизненном пути. Стадия «брахмачарии» – периода учебы и самодисциплины; «грихастхи» – стадия семейной жизни, главы семьи; «ванапратхи» – стадия аскетической жизни для очищения души и обуздания чувств и «санньясы» – полное отречение от жизни, отшельничество.

Специфика культуры Индии заключается в религии индуизма, со сложной ритуально-культурной обрядностью. Основными источниками индуизма являются «Веды», где подробно излагались брачные ритуалы и ритуалы сексуального поведения. Брачные ритуалы относились к ритуалам жертвоприношения: «...брак уже сам по себе считался жертвоприношением, и неженатым мужчиной назывался тот, кто не принес жертву».¹⁵² Однако понятие жертвоприношения было гораздо более широким и распространялось на все сексуальное поведение. «Жертва может быть принесена посредством ритуального соития. Однако мужчина здесь господствует, ибо если мужчина пожелает конкретную женщину, то после того, как она очистится от менструации, он пригласит ее возлечь с собой. Если она не поддержит его желание, он должен попытаться ее склонить. Если же она по-прежнему будет отказываться, он может ударить ее рукой или палкой, чтобы покорить...»¹⁵³ Тем самым мы видим, что индуизм как религия предполагает ритуальное сексуальное насилие, дать нормативную оценку которого нельзя и возможно только описание в рамках интерпретационного подхода.

Следующая культуральная специфика индуизма – существование как мужского (фаллического) культа, в виде поклонения лингаму (фаллосу) Шивы, так и женского культа – почитание Шакти (Кали). С женским культом связаны тантрические ритуальные сексуальные практики, храмовая проституция и криминальные культы служителей богини (пиндари, дакойты и туги). Клан пиндари – «разбойники с большой дороги», профессиональные грабители, передававшие навыки из поколения в поколение, со своей «работы» платившие властям пошлину, – считали свое занятие вполне моральным и соответствующим долгу и необходимым для служения богине Кали и поддержания порядка.¹⁵⁴ Другой криминальный клан дакойты относился к наемным убийцам-профессионалам, состоявшим на службе у правительства, и ворами-грабителям по своему собственному усмотрению. Для них грабеж,

---

¹⁵¹ Артхашастра. Глава 2: Правила, связанные с браком // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Под ред. В. Н. Садикова. – М., 2002. С. 35–36.

¹⁵² Парриндер Дж. Сексуальная мораль в мировых религиях. – М., 2002. – С. 23–24.

¹⁵³ Там же. – С. 27–28.

¹⁵⁴ Клири Т., Азиз С. Богиня Сумерек. – Н. Новгород, 2003. – С. 60–61.

убийство и обман являлись тремя необходимыми составляющими божественного и общественного порядка и сакрального и профанного мироустройства. Туги являлись кастой, ориентированной на ритуальное убийство-жертвоприношение богине. «В частной жизни туги отличались исключительной скрупулезностью и добросовестностью в смысле выполнения своих кастовых и ритуальных обязанностей... Методика хладнокровного, бесстрастного убийства была отработана во время многочисленных инициаций, т. е. ритуальных посвящений, причем посвященные владели техникой раздвоения личности, психологического самоотчуждения».¹⁵⁵ Феномен самоотчуждения связан непосредственно с особенностями личности, отсутствием персоналистической, индивидуальной идентификации.

Третьей отличительной особенностью религии и культуры индуизма является трансперсональная, надличностная система ценностей, воплощенная в категории кармы. «Центральной идеей индуизма, определяющей характер цивилизационно-доминирующей традиционной соционормативной культуры Индии, является учение о “карме” – вера в перевоплощение человека в зависимости от поступков, совершенных им в прошлых рождениях, и накопленных или растрченных заслуг в исполнении дхармы в земной жизни».¹⁵⁶ Понятие кармы непосредственно связано с понятием закона, дхармы, предписаний для человека. Если в западной традиции закон морально основывается на понятии «божьего суда» и «мучений грешников после смерти», то карма ориентирована опять-таки не на конкретную личность как социальное образование, но на непрерывность и предопределенность бытия в следующем существовании.

Таким образом, индивидуальная «личность» как элемент сложной системы «общество – личность – культура» в индуизме ставится вне пространственно-временных категорий «надличностью», или «трансперсональной» сущностью, исполняющей свою дхарму, закон. Как отмечалось, такая особенность идентификации позволяет проявляться специфическому психологическому феномену самоотчуждения, связанному на Востоке со многими нетрадиционными для культур Запада проявлениями человеческой жизнедеятельности. В Японии это смертники-камикадзе и ритуалы хакари, в Индии «сати» – ритуальное самосожжение жены после смерти мужа. Ближе к этому феномену стоят методы современных чеченских террористов-смертников.

Рассматривая специфику интерпретативного подхода в сравнительных исследованиях, понятие нормы было отнесено к социальным институтам контроля и выработке самоконтроля поведения в рамках социальной личности. Однако социальные институты Востока больше ориентированы не на контроль поведения как такового, а на контроль и самоконтроль сознания, в результате чего вырабатывается волевая регуляция не только поведения, но и состояний сознания. Многочисленные сексуальные практики ритуального характера в тантризме, сопровождающиеся приемом психоделических средств, имеют целью также достижение контролируемых измененных состояний сознания.

Точная датировка морально-правовых сводов – дхармашастр затруднительна, так как они передавались устным способом, и даже относительно поздно датированные тесты представляют собой древнейшие пласты культурного наследия.¹⁵⁷ В данных текстах, в первую очередь, прописываются институты семьи и брака. При этом институт семьи, как отмечалось, в отличие от других цивилизаций, является этапом на жизненном пути индивида, и, соответственно, институт брака имеет свои особенности. Кроме ритуальных форм сексуального поведения дхармашастры содержат описание тех форм такого поведения, которые нарушают дхарму, и лишь немногие из этих «противозаконных», с позиции индийского тра-

---

¹⁵⁵ Там же. С. 63.

¹⁵⁶ Права человека: Итоги века, тенденции, перспективы / Под ред. Е. А. Лукашевой. – М., 2002. – С. 327.

¹⁵⁷ Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. – Киев, 2004. – С. 406–410.

диционного права, форм поведения имеют «криминальный» характер в западной традиции права. Во многом трактовка этого «противозаконного» поведения сближает эти формы с современной расширенной трактовкой «сексуального домогательства» (sexual harassment) американского законодательства. Как отмечает А. И. Ковлер, судья Европейского суда по правам человека от Российской Федерации, «американские суды завалены исками в связи с “сексуальными домогательствами” словом, жестом, взглядом, что стало манией преследования миллионов женщин и мужчин, схожей с массовым психозом».¹⁵⁸

Наиболее известными из дхармашастр являются «Законы Ману». В них прописывается стандарт приоритета мужчин: «В детстве ей (женщине) полагается быть под властью отца, в молодости – мужа, по смерти мужа – сыновей; пусть женщина никогда не пользуется самостоятельностью» (5:148) и «Муж, даже чуждый добродетели, распутный или лишенный добрых качеств, добродетельной женой должен быть почитаем, как бог» (5:154).¹⁵⁹ В другом сочинении – «Артхашастра» отмечается: «Уча жену послушанию, допускается три удара по спине тростниковой палкой, веревкой или рукой» (Ш.3.8).¹⁶⁰

Среди наиболее запрещенных и подвергаемых суровой каре форм сексуального поведения следует отметить: инцест, прелюбодеяние, причем последнее носит квалифицированный характер в зависимости от кастовости, и «связь с женщиной против ее воли» – изнасилование.

В «Нарада-смирита»: «Нельзя вступать в брак с родственниками по отцу и по матери до седьмого и до пятого колена соответственно, с принадлежащими к той же торте или к той же праваре» (12:7).¹⁶¹ «Горта» и «правара» – родственность на основе ритуальных предков во время совершения ритуалов, точно так же как в христианской традиции семьи крестных отца и матери входят в круг инцестных запретов. По «Законам Ману» кровосмесительные связи, так же как насилие над супругой гуру, подвергались различным видам сурового наказания. «Виновного могли заставить лечь на раскаленную железную кровать или обнимать раскаленную металлическую статую женщины; ему могли отрезать гениталии и заставить ходить, связав ему руки, до тех пор, пока тот не свалится замертво».¹⁶² Полный перечень табуированных в отношении сексуального поведения женщин дается в «Нарада-смирита»:

12:72 «Мать, сестра матери, теща, жена брата матери, сестра отца, жена брата отца, жена друга, жена ученика, сестра, подруга сестры, сноха»;

12:73 «Дочь, жена учителя, женщина из той же торты, находящаяся под его опекой, царица, отшельница, кормилица и благочестивая брахманка»;

12:74 «Сошедшийся с какой-либо из этих женщин считается “осквернителем ложа гуру”. Для него не должно быть иного наказания кроме оскпления».¹⁶³

Прелюбодеяние понимается в традиционном индийском праве достаточно широко, и его определения и трактовка встречаются практически во всех драмашастрах и комментариях к ним и при этом практически сходны в интерпретациях.

В «Нарада-смирита» прелюбодеяние определяется:¹⁶⁴

12:60 «Сведущие люди называют прелюбодеянием связь с охраняемой женщиной в чужом доме, но не когда женщина сама пришла в дом»;

¹⁵⁸ Ковлер А. И. Антропология права. – М., 2002. – С. 418.

¹⁵⁹ Крашенинникова Н. А. История права Востока. – М., 1994. – С. 37–38.

¹⁶⁰ Вигасин А. А., Самозванцев А. М. Артхашастра. – М., 1984. – С. 54.

¹⁶¹ Антология мировой правовой мысли. Т. 1: Античность и восточные цивилизации. – М., 1999. – С. 409.

¹⁶² Парриндер Дж. Сексуальная мораль в мировых религиях. – М., 2002. – С. 30–31.

¹⁶³ Дхармашастра Наряды / Пер. с санскрита и коммент. А. А. Вигасина, А. М. Самозванцева. – М., 1998. – С. 53–56.

¹⁶⁴ Там же. – С. 52–55.

12:62 «Свидание, беседа и развлечение с чужой женой наедине в неположенное время или в неполенном месте – вот три признака прелюбодеяния»;

12:63 «Если мужчина и женщина встречаются у места слияния рек, у священного источника, в роще или парке, – это следует считать прелюбодеянием»;

12:64 «Прелюбодеяние может быть установлено также по отправке посредницы, посылке письма и другим поступкам»;

12:65 «Если кто трогает женщину за неподобающее место или позволяет ей трогать себя, – все это, совершенное при обоюдном согласии, также считается прелюбодеянием».

Наказания различны для мужчины и для женщины. Так, для мужчин:

12:69 «За связь с женщиной, равной по варне, – высший штраф сахаса; если она ниже по варне – средний штраф, если выше – смертная казнь». И соответственно наказания для женщин:

12:91 «В случае прелюбодеяния жены наказание для нее – обритая голова, ложе на земле, дурная пища, плохая одежда и работа по уборке нечистот».

В «Ману-смрити» даются сходные определения прелюбодеяния:

8:356 «Кто любезничает с чужой женой в уединенных местах, где берут воду, в лесу, должен считаться виновным в прелюбодеянии»; однако оно отличается значительно более суровыми санкциями. Так, для мужчин:

8:359 «Небрахман, виновный в прелюбодеянии, заслуживает смертной казни».

Для женщин:

8:371 «Если женщина изменяет своему мужу, пусть царь прикажет затравить ее собаками на людном месте». ¹⁶⁵

В «Вишну-смрити» за прелюбодеяние с женой учителя определяется наказание в виде клейма на лоб «знак женского органа». ¹⁶⁶ Кроме того, определяется широкий спектр наказаний за другие противозаконные формы сексуального поведения:

5:40 «Прелюбодей за связь с женщиной той же варны заплатит пусть штраф высшего вида»;

5:41 «За связь с женщиной низшей варны – средний»;

5:42 «И за соитие с коровой»;

5:43 «За связь с неприкасаемой – смертная казнь»;

5:44 «За скотоложство пусть заплатит штраф в сто каршапан». ¹⁶⁷

Нужно отметить, что выделение «скотоложства» и «соития с коровой» в различные «составы преступлений» связано с особым статусом коровы в индуизме как священного животного.

Изнасилование, или «связь с девицей против ее воли», наказывается в соответствии с «Нарада-смрити»:

12:70 «...отрубанием двух пальцев, а если она из высшей Варны – казнь и конфискация имущества». ¹⁶⁸

Отдельное рассмотрение *китайской цивилизации* необходимо по причине ее особенной роли для всей Восточной Азии. «Роль китайской культуры для народов Азии можно сравнить с ролью античной Греции для народов Европы». ¹⁶⁹ Кроме того, китайская мысль

---

¹⁶⁵ Садиков В. Н. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. – М., 2002. – С. 34.

¹⁶⁶ Антология мировой правовой мысли. Т. 1: Античность и восточные цивилизации. – М., 1999. – С. 429.

¹⁶⁷ Там же. – С. 430.

¹⁶⁸ Дхармашастра Нараяды / Пер. с санскрита и коммент. А. А. Вигасин, А. М. Самозванцев. – М., 1998. – С. 56.

¹⁶⁹ История древнего мира / Под ред. В. Н. Дьякова. – М., 1962. – С. 237.

«сумела достичь заметного расцвета, сравнимого по своему многообразию и изяществу идей лишь с достижениями Греции и Индии».¹⁷⁰

Культура данной цивилизации представляет собой сплав конфуцианства, даосизма, легизма и буддизма.

Другой определяющей спецификой китайской цивилизации является недоверие к формальному праву и писаным законам, обозначаемым термином «фа», и приоритет «ли», т. е. моральных норм регуляции как индивидуального поведения, так и социального порядка. Система китайского права представляет систему прав-обязанностей, а не прав-свобод, как в европейском понимании.

Понятие «жена» передается в китайском иероглифическом письме комбинацией иероглифов «женщина» и «тряпка для вытирания пыли». «Последнее символизирует не только ответственность за чистоту в доме, но и компетенцию устанавливать правила соблюдения этой чистоты и обеспечивать их выполнение, в том числе и со стороны мужа».¹⁷¹ В противоположность европейской традиции права, формировавшейся как частное право, китайское право даже в вопросах бытового характера и моральных категорий носит выраженный публично-правовой характер.

Понятие личности является наиболее сложным в результате одновременного существования различных религиозно-философских систем, выполняющих роли идеологии и определяющих культуру. Даосизм, ориентированный на внутренний мир человека, близко стоит к буддистским воззрениям, выдвигая на первый план принцип «неделания» (у-вэй). Смысл этого принципа заключается в едином закономерном развитии вещей, в которое не следует вмешиваться. Тем самым нивелируется полностью какое-либо активное начало в личности. Положительным моментом этого является прямое следствие – ненасилие, сопротивление и непринятие любых форм насильственного поведения. В конфуцианской традиции личности отводится «срединный путь», и ее социальное функционирование осуществляется посредством следования ритуалам. Однако, как и в других восточных культурах, персоналистическая личность, ее противопоставление окружающему отсутствуют. Поэтому основу социального функционирования составляет клан.

Представление о личности в китайской цивилизации кратко можно резюмировать так: «“настоящий человек” (принадлежащий традиции даосизма) и “достойный муж” (идеальный человек в конфуцианстве) обозначают два полюса человеческого совершенства: полноту бытия, постигаемую во внутреннем узрении “раскрытого сердца”, и безупречную вписанность в сеть космических и социальных отношений. Соответственно в китайской культуре отсутствовало понятие личности, правового субъекта действия и даже физического индивида. Человек в Китае осмыслялся, с одной стороны, в категориях телесной интуиции, уводящей к всеединству первоизданного Хаоса, а с другой – как “лицо”, которое выражает одновременно претензии на обладание определенным статусом в обществе и признание этих претензий другими».¹⁷² Еще М. Вебер отметил, что китайская культура и цивилизация подавляют в человеке стремление к целостной личности.¹⁷³ Человек и окружающий мир представляются изоморфными друг другу, и если мировой порядок определяется законом Дао, то и человек должен следовать этому закону (аналогично в индийской цивилизации это закон дхармы).

---

¹⁷⁰ Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. – Киев, 2004. – С. 421.

¹⁷¹ Королев С. В. Китайская концепция прав человека // Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы. – М., 2002. – С. 369.

¹⁷² Малявин В. В. Китайская цивилизация. – М., Астрель, 2001. – С. 188.

¹⁷³ Weber M. The Religions of China. – New York, 1964. – P. 254.

Отсутствие персоналистической личности характерно не только для цивилизаций Востока, но и для всего традиционного общества. Аналогично в античном мире «персона» – это маска, надеваемая актерами, личина, т. е. то, что позволяет скрывать внутреннее. Модус существования человека в традиционном обществе принципиально отличен от современного индустриального и постиндустриального типа. Самодовлеющее и самосознающее «Я» полностью отсутствует, оно изоморфно изменениям, происходящим в окружающем мире, оно «неопределенное, подвижное, играющее разными красками, переливчатое место пересечения вселенских сил, узел сложных связей и текучее присутствие жизненных свойств, потенциально неисчерпаемых и разнообразных во всех своих проявлениях, как тот космос, сколком с которого он является».¹⁷⁴

Внутреннее непостоянство человека противостоит внешнему организующему началу традиции и ритуалу, которые способны придать упорядоченность миру и дать возможность ориентироваться в нем. У Конфуция традиция создается благодаря единству жизненной спонтанности и моральному усилию. Обучение, передача традиции предполагали полную вовлеченность субъекта – поведенческую, эмоциональную, интеллектуальную, духовную. «На Востоке учитель и ученик вместе образовывали как бы некую сверхличную цельность. Каждая из сторон, чтобы стать собой, нуждалась в другой: учитель действительно становился учителем, лишь имея ученика».¹⁷⁵ Сущность традиции, как отмечал В. С. Семенов, состоит не в передаче некоей суммы знаний или опыта, а в духовном воспроизводстве личности учителя, причем духовное рождение связывалось с идеей истинного бессмертия.¹⁷⁶ Таким образом, личность как духовное воспроизводство в ряду поколений предстает как диахроническая структура, социально наследуемая.

Этот феномен социального, негенетического наследования отражен в восточной философии в понятии «дваждырожденный». Второе рождение связывалось с ритуалом инициации, посвящения, распространенного внутри варн, каст, кланов. «Учитель заставляет ученика родиться посредством священного знания. Это второе рождение – наилучшее. Отец и мать ученика порождают лишь тело», – говорится в древнеиндийском трактате Апастамбха-дхармасутра. Соответственно духовное наследование находит отражение и в законодательстве. Так, в Законах Ману отмечено, что из двух отцов – дающего физическое рождение и дающего знание веды – почтеннее отец, дающий знание веды; ведь рождение, данное ведой, вечно и после смерти и в этом мире. Такая «личность» становится, по Законам Ману, и отдельным субъектом права. Так, глава 8:68 отмечает, что против дважды рожденного может свидетельствовать только дважды рожденный.¹⁷⁷ Аналогично обряды инициации и посвящения были широко распространены в цивилизации Древнего Египта и античном мире, осуществляя традицию, заключенную в духовной преемственности поколений и выработке «трансперсональной» личности традиционного общества. В. В. Малявин отмечает: «Китайский ритуализм исключал столь привычное на Западе понятие целостной личности и даже индивида (как “неделимой сущности”). Личность в китайской культуре мыслилась по законам и конфигурации телесного опыта, но телесность выступала не как “физическое тело”, противоположность сознания, а как принцип органического бытия, “одного движения мироздания”, предполагающего плюрализм восприятия мира и соотносительность разных жизненных миров».¹⁷⁸ «Тело-личность» выступало как представитель эстетизированных риту-

---

¹⁷⁴ Апьбедиль М. Ф. Зеркало традиций. – СПб., 2003. – С. 46.

¹⁷⁵ Там же. – С. 58.

¹⁷⁶ Цит по: Там же. – С. 59.

¹⁷⁷ Ману-смрити // Антология мировой правовой мысли / Под ред. В. Ю. Семигина. Т. 1: Античность, восточные цивилизации. – М., 1999. – С. 403.

¹⁷⁸ Малявин В. В. Сумерки Дао. – М., 2000. – С. 354.

альных отношений к окружающему. Телесное как органическое бытие и как личность представляет частицу рода, «звено в бесконечной цепи поколений» и является прообразом семьи и государства. Тогда нормы поведения – это и нормы всеобщего закона и груз ответственности перед всем родом, не только живущим, но и предками. Социальное бытие личности получает телесное измерение и предстает как «лицо» – то, чем оно является для других. «Личность в Китае проявляет себя только через сетку типизированных форм, соотносенных с нормами культуры (ритуалами). Лицо – выражение социального статуса, и его можно потерять помимо своей воли».¹⁷⁹ Тогда выражение «потерять лицо», т. е. совершить ненормативное, неритуальное действие, означает гораздо большее, чем понятие греха и вины в западной цивилизации.¹⁸⁰ «Лицо» – это отражение социального статуса, претензия человека на власть и связанные с этим обязательства перед обществом, это публичная маска, «личина», прописываемая этикетом.

Специфика представлений о человеке в китайской культуре находит отражение практически во всех сферах жизнедеятельности, возраст человека исчисляется не с момента его рождения, а с момента зачатия. Отсутствие «дней рождения» совмещается с празднованием Нового года, «рождением нового мира», соединяя человека и окружающее в «одно движение мироздания», и индивидуальный линейный отсчет времени-возраста отступает на задний план, уступая место цикличности. Человек ориентируется не на внешнее время, а сливается с ритмом своих внутренних биологических часов. Взросление автоматически повышает социальный статус индивида, с одной стороны, с другой – он определяется «тенью предков», их ролью в социальной жизни. До трехлетнего возраста ребенок не считается «личностью», и ему не устраивают похорон, однако это не свидетельствует о безразличном отношении к нему, просто он считается как бы продолжением тела матери. Такое представление о личности проявляется и в сексуальном поведении, «женщина в старом Китае была либо частью интимного мира семьи, либо вообще находилась за бортом общества. Обычай и законы общества требовали от нее полной покорности мужчине».¹⁸¹

Среди особенностей культуры китайской цивилизации, определяющей специфику сознания, в первую очередь, нужно отметить иероглифическую, символическую письменность, воспринимаемую, по мнению современных психологов, не только сознанием, но, прежде всего, на уровне бессознательного. Тогда с психологической точки зрения это более соответствует процессам мироощущения и миропонимания, нежели понятию восприятия в западной психологии. Такое мироощущение ориентировано на зрительную модальность, в противоположность знаковой, словесно-вербальной модальности. Созерцательная направленность психических процессов в отношении сексуального поведения ведет к широкому распространению в китайской культуре эротических картинок, так называемых «весенних альбомов». Их предназначение – «возбуждать желание взглянуть, то есть совлечь покровы с видимого мира, “подсматривать”. Это их назначение подчеркивается частым присутствием на подобных картинках третьих лиц, наблюдающих за влюбленной парой, иногда даже детей. Во всяком случае вуайеризм – один из важнейших мотивов китайской эротики, ориентированный на самоконтроль и сдерживание страсти».¹⁸² Фигуры партнеров на таких картинках изображены с нарушением пропорций человеческого тела, «зато детородные органы выписаны во всех подробностях и увеличены в размерах».¹⁸³ В современной правовой трактовке такие изображения однозначно расценивались бы как порнографиче-

¹⁷⁹ Там же. – С. 356.

¹⁸⁰ Bond M. H. *Beyond the Chinese Face*. – Oxford; N.Y., 1991. – P. 15–26.

¹⁸¹ Малявин В. В. *Сумерки Дао*. – М., Астрель, 2000. – С.370.

¹⁸² Там же. – С. 382–383.

¹⁸³ Там же.-С. 383.

ские, и распространение их подпадало под действие как международного уголовного права, так и большинства национальных уголовно-правовых систем, обоснованием чему является распространенное мнение, что подобная продукция способствует распространению сексуального насилия. Однако для китайской цивилизации, как отмечает В. В. Малявин, в процитированном отрывке они ориентированы на самоконтроль и сдерживание страсти.

Общество как социальная система содержит понятия семьи и клана, причем последний выступает как основная социальная единица, тогда как семья имеет второстепенное значение. Термин «семья» обозначается иероглифами «крыша дома» и «свинья», что отражает экономическое и ритуальное значение, так как свинья выступает у китайцев главным жертвенным животным. В. В. Малявин при описании китайской цивилизации отмечает преобладание на протяжении всей истории малой семьи, что не характерно для обществ аграрного или традиционного типа.¹⁸⁴ Однако понятию большой семьи традиционного общества, так называемой *extended family*, больше соответствует социальное единство, обозначаемое как клан, который можно определить как *supra-family*. Клан в юридической антропологии понимается как объединение потомков реального предка, живого или умершего, с предком мифическим, который в традиционных обществах часто выступал в неантропоморфном, тотемном виде.¹⁸⁵ Клан в Китае включал всех мужчин, имевших общего мужского предка, и имел организующее ядро – культ или ритуал умерших предков и свои собственные социальные институты: храм предков, школы, фонды и собственный устав, который был писаным сводом норм поведения. Клан – это системы родства, основанные «на крови», т. е. биологического характера, в то время как семья основана на социальном институте брака. Нарушение норм поведения внутри клана предусматривало как воспитательные меры воздействия, так и исключение из клана как крайнюю меру. Несмотря на обилие религиозно-философских систем, клан основывался на ритуале почитания предков и являлся устойчивым социальным образованием, сохраняющим свое значение и в настоящее время. Его роль в социальном нормировании поведения огромна. Семья выступает элементом клановой структуры, а не элементом общественной, государственной организации, как в культурах Запада.

Институт брака носит договорной характер сделки и заключается между семьями, поэтому за невесту платится выкуп, в свою очередь для невесты выделяется приданое. Добрачное сексуальное поведение считалось недопустимым, и «женщины, уличенные в распутстве, навсегда теряли свое лицо».¹⁸⁶ Обряд брака связан с ритуалом предков, так как совершается в их храме. Иногда брачный договор мог происходить до рождения жениха и невесты. Не допускались к вступлению в брак однофамильцы, «хотя бы они выше ста колен не имели никакого родства между собой».¹⁸⁷

Расторжение брака возможно потенциально, иногда даже «когда муж и жена по несходству в правах и склонностях добровольно желают развестись»,¹⁸⁸ однако в реальности для получения развода мужу необходимо было доказать, что жена: 1) не родит сыновей, 2) сластолюбива, 3) не почитает свекра и свекровь, 4) вздорлива, 5) имеет страсть к воровству, 6) имеет злое сердце или 7) прилипчивую болезнь. При этом существовал целый ряд моментов, которые даже при наличии перечисленных причин делали расторжение брака невозможным: 1) если жена носила с мужем трехгодичный траур, 2) если муж после женитьбы получил чин или составил состояние и 3) если близкие родственники по отцу жены умерли.¹⁸⁹ Указанные

¹⁸⁴ Малявин В. В. Китайская цивилизация. – М., Астрель, 2001. – С. 144.

¹⁸⁵ Рулан Н. Юридическая антропология. – М., НОРМА, 2000. – С. 86.

¹⁸⁶ Малявин В. В. Китайская цивилизация. – М., Астрель, 2001. – С. 147.

¹⁸⁷ Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. – СПб., 1848. – С.337.

¹⁸⁸ Там же. – С. 343.

¹⁸⁹ Цит. по: Там же. – С. 343–344.

моменты, соответственно, делали возможность развода явлением исключительным в жизни китайцев.

В императорскую эпоху вдовам запрещается вторично выходить замуж, морально поощряется культ суицидального поведения или нанесения себе увечий в знак преданности умершему супругу.¹⁹⁰

Сексуальное поведение, нормативное только в рамках института брака, выступает как средство целостного отношения к миру и соединяет в себе три различных измерения: во-первых, мораль, ибо предполагает чувственную основу; во-вторых, откровение, заключенное в эстетических качествах; в-третьих, является разновидностью телесной гигиены.¹⁹¹ Следует отметить, что, несмотря на его чувственность и многообразие форм проявления, сексуальное поведение интегрировано внутрь института семьи и регулируется нормами клана. Самым страшным наказанием для женщины выступало принудительное возвращение в родительский дом. Основными причинами такого возвращения могли выступать: бесплодие, распутство, непочтительное отношение к родителям, болтливость, воровство, ревность и дурная болезнь.¹⁹² Свидетельством клановой регуляции социальных норм в отношении сексуального поведения является случай, описывающий некоего Фэй-ди, «который безрассудно предавался оргиям с женщинами и евнухами», в последующем он был убит собственными родственниками.¹⁹³ В конфуцианстве отношения мужчины и женщины традиционно носили ритуальный характер. «Скромность – краеугольный камень добродетели, покорность – самое правильное поведение жены», – говорится в учении Конфуция.¹⁹⁴

В историческом аспекте можно рассматривать изолированно социальные стандарты регуляции и контроля сексуального поведения относительно гендерной специфики. «Восточная схема» контроля поведения женщин путем их социальной изоляции вела к гендерному превосходству мужчин как в частной, так и в публичной жизни.

Правовая регуляция сексуального поведения, по мнению Р. Тэннэхилл (1995), оформляется не ранее XIII в., и так как право синкретично морали и добродетели, то возникают так называемые «Таблицы достоинств и недостатков». Наиболее известная таблица под названием «Ши-чи-кунь-куо-лу» содержала третью главу, относящуюся к определению степени выраженности недостатков (аморальности) или грехов сексуального поведения.¹⁹⁵ Согласно этой таблице изнасилование замужней женщины составляло 500 грехов, жены слуги – только 200, вдовы или девственницы – 1000, проститутки – 50, монахини – грехи бесчисленны. Для сравнения: убийство было равносильно 1000 грехам. В противоположность, например, русскому средневековому праву сексуальные преступления против вдов рассматривались как гораздо более тяжкие, что связано с почитанием старших, сохраняющимся до настоящего времени. Муж, уличивший жену в прелюбодеянии, имел право на выбор либо продать ее, либо оставить у себя.

Однако следует отметить, что мнение Р. Тэннэхилл не совсем точно совпадает с имеющимися в литературе данными. Синкретичность морально-правовых норм регуляции сексуального поведения, на наш взгляд, связана с временем завоевания Китая Чингисханом и его потомками, тогда как до указанного периода в рамках традиционного китайского права династий Тан и Сунн (VII–XIII вв.) существовало систематизированное законодательство относительно сексуальных преступлений. Анализ китайских средневековых кодексов «Тан люй

¹⁹⁰ Малявин В. В. Сумерки Дао. – М., Астрель, 2000. – С. 371.

¹⁹¹ Малявин В. В. Китайская цивилизация. – М., Астрель, 2001. – С. 357.

¹⁹² Ван Гулик Р. Сексуальная жизнь в древнем Китае. – СПб., 2004. – С.401.

¹⁹³ Там же. – С. 151.

¹⁹⁴ Цит по: Парриндер Дж. Сексуальная мораль в мировых религиях. – М., 2002. – С. 23–24.

¹⁹⁵ Тэннэхилл Р. Секс в истории. – М., 1995. – С. 181.

шу» (653 г.) и «Сунн син тун» (963 г.), проведенный в исследовании Е. И. Кычанова (1986), позволяет выделить три вида противозаконных половых связей: соvrращение («цзянь»), прелюбодеяние («хэ цзянь») и изнасилование («цян цзянь»).¹⁹⁶ Под прелюбодеянием понималась сексуальная связь, происходившая с взаимного согласия. Наказание в полтора года каторжных работ применялось одинаково как к мужчине, так и к женщине. При этом отягчающим вину обстоятельством выступает брак одного из участников криминального сексуального поведения, что увеличивало меру наказания до двух лет.

Совращение – сексуальные отношения, которые могли иметь место между свободными людьми, не состоящими в отношениях родства, руководителями и подчиненными и лично-свободными с лично-несвободными. Криминальность такого поведения должно предполагать «какие-то отступления от норм морали, вызванные обольщением одного лица другим, с одной стороны, и уступчивость другого лица ввиду его социального положения и т. д. – с другой»,¹⁹⁷ при этом отсутствует момент обоюдного добровольного согласия («хэ»). Санкции за соvrращения носили более дифференцированный характер, по сравнению с прелюбодеянием, и зависели от социального положения, личной свободы и родственных отношений между участниками сексуального поведения. Совращение одним лично-свободным другим лично-свободным, с которым он не состоял в родстве, по санкции не отличается от прелюбодеяния. Совращения родственника траура (круг родственных связей в средневековом Китае определяется лицами, связанными обязательствами ношения траура, т. е. культом предков), жен родственников траура, дочери жены от ее первого мужа, сводного брата или сестры, сестер, наказывалась тремя годами каторжных работ. Следующий круг родственников включал жен братьев, деда, сестер деда, жен братьев и жен племянников матери, и наказанием за их соvrращение предполагалась ссылка за 2 тысячи ли. Совращение наложницы отца или деда, дочерей братьев, жен племянников от родных сестер, жен дядей по отцу наказывалось удушением. Если раб соблазнял лично-свободную женщину, он наказывался двумя с половиной годами каторжных работ, если у женщины был муж, то раб подлежал удушению. Женщина подлежала наказанию, меньшему на одну степень. Наоборот, если лично-свободный соvrщал рабыню, он наказывался 90 толстыми палками. Раб, соvrтивший рабыню, получал такое же наказание.

Изнасилование («цян цзянь») не предполагало уголовной ответственности со стороны женщины, в отличие от прелюбодеяния и соблазнения. По сравнению с указанными преступлениями наказание носит более строгий характер и дифференцируется в зависимости от того, были ли причинены женщине травмы или ранения. Лично-несвободные (рабы, буцой), совершившие изнасилование, наказывались на одну степень больше, чем лично-свободные. Если раб изнасиловал свободную женщину, он подлежал ссылке, если он при этом причинил женщине травмы, он подлежал удушению.¹⁹⁸ Интересной особенностью указанных кодексов являются отдельно прописанные меры наказания за изнасилования родственником родственницы и лично-несвободным его хозяйки. В этом плане средневековое китайское законодательство опережало многие уголовно-правовые нормы XX в. Изнасиловавший родственницу, определяемую кругом траура, подлежал ссылке за 2 тысячи ли, а если при этом пострадавшей были причинены телесные повреждения – подлежал удушению. Изнасилование более близких родственников (жен братьев деда, сестер деда, жен двоюродных братьев отца, двоюродных сестер отца, сестер матери, жен братьев матери) каралось удушением. Таким образом, правовая регуляция сексуального поведения предусматривала наи-

---

¹⁹⁶ Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права. – М., 1986. – С. 142–144.

¹⁹⁷ Там же. – С. 142.

¹⁹⁸ Там же. – С. 145.

более суровую ответственность за нарушения норм, основанных на иерархических отношениях внутри социальных структур.

Еще одной нормой уголовного права средневекового Китая, которую необходимо выделить отдельно, является ответственность должностных лиц за соращение женщин, находившихся в сфере их административных прав и обязанностей. Естественно, напрашивается прямое сравнение со ст. 133 УК РФ (понуждение к действиям сексуального характера), действие которой в современное время достаточно скромно, так как количество лиц, привлеченных по ней к уголовной ответственности, остается низким, а уровень латентности наиболее высоким среди других сексуальных преступлений. Соращение должностным лицом свободной женщины, не имевшей мужа, увеличивало меру ответственности на одну ступень. Если женщина носила траур по родителям или мужу, а также была монахиней, мера наказания увеличивалась на две ступени. За соращение свободной незамужней женщины чиновник получал два года каторги (ер. санкцию по ст. 133 УК РФ – штраф в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, *либо исправительные работы на срок до двух лет* (выделено нами. – Н. И.), либо лишение свободы на срок до одного года), а если женщина имела мужа, то мера наказания равнялась двум с половиной лет каторги. Кроме того, как отмечает Chen Paul Heng-chao (1979), во время правления династии Юань за незаконную половую связь с женой подчиненного чиновник не получал права на откуп от наказания и права на зачет меры наказания рангом, должностью или титулом, что было возможно при совершении чиновником других преступлений.¹⁹⁹

Если учесть, что в рассматриваемый период истории Китая до монгольского завоевания в уголовном праве отсутствовало наказания за гомосексуализм, лесбиянство и сексуальные действия с животными, то система уголовно-правовой регуляции сексуального поведения синхронична современным системам.

Одним из наиболее тяжких преступлений до XIX в. включительно в Китае остаются кровнородственные (инцестные) сексуальные связи. Кровосмешением (нэй-луань) считалось прелюбодеяние с родственниками до четвертой боковой линии и наложницами деда и отца. Кроме того, в законе оговаривалось, «кто женится на наложнице, оставшейся после деда или отца, или на своей тетке – жене родного брата по отцу, тот присуждается к неотлажаемому отсечению головы; а женившийся на жене после родного брата своего приговаривается к давлению».²⁰⁰

Современное уголовное законодательство Китая рассматривает криминальные формы сексуального и связанного с ним поведения в 4-й главе УК (Преступления против права граждан на жизнь и демократических прав граждан): ст. 236 – изнасилование и развратные действия к лицам женского пола моложе 14 лет, приравняемые к изнасилованию; ст. 237 – принуждение женщины к совершению унижающих ее достоинство действий и совершение надругательства над ней путем насилия, угроз или иными методами.²⁰¹ Кроме того, УК КНР, ст. 358–361, предусмотрена ответственность за преступления, связанные с организацией, принуждением, вовлечением в занятие проституцией, представлением помещения для этой цели и сводничеством, а ст. 363–367 УК КНР – за преступления, связанные с изготовлением, продажей, распространением порнографической продукции.²⁰²

Таким образом, независимо от факторов культуры и религиозно-философских представлений той или иной цивилизации, для традиционного общества блуд, прелюбодеяние и

---

¹⁹⁹ Chen Paul Heng-chao. Chinese Legal Tradition under the Mongols. – Princeton, 1979. – P. 57.

²⁰⁰ Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. – СПб., 1848. – С.344.

²⁰¹ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – СПб., 2001. – С. 161–162; Ахметшин Н. Х. История уголовного права КНР. – М., 2005. – С. 167.

²⁰² Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – СПб., 2001. – С. 241–247.

инцест выступают универсальными запрещенными формами сексуального поведения, в то время как в современных УК такими формами являются сексуальное насилие, проституция и порнография.

б) Античный мир (Древняя Греция и Рим)

Античный мир в большинстве гуманитарных и естественнонаучных исследований выступает как точка исторического отсчета, от которой идет непрерывный прогресс цивилизации западного типа. При этом в идеализированную модель античности как истока науки, искусства, философии и права плохо вписываются особенности сексуального поведения, поэтому в большинстве случаев гуманитарии предпочитали либо обходить их стороной, либо критиковать в рамках морали своего времени, как, например, историки XIX в., либо снисходительно относиться, ссылаясь на давность лет. К таким особенностям сексуального поведения относятся педофильная гомосексуальность и проституция. Эти феномены были широко распространены во всем Древнем мире, но они оставались в тени и не носили институционального характера, как в Древней Греции. Кроме того, они были интегрированы с другими социальными институтами, а именно: педофилия с воспитанием, образованием и воинским искусством, проституция с государственной экономикой и политикой.²⁰³

Женщина в Афинском государстве лишена гражданских прав, в том числе и заключения брачного договора. Создание семьи и брак было делом, в первую очередь, государственным, так как бездетный афинянин не имел всей полноты политических прав, он не мог быть избран архонтом или стратегом. Поэтому при отсутствии детей муж отсылал жену обратно к родителям. Развод по желанию мужчины осуществлялся незамедлительно, и дети оставались с ним.

Внебрачное сексуальное поведение для мужчин скорее выступает правилом, постоянная наложница при этом даже обладала правом на наследование имущества по завещанию. Кроме наложниц не воспрещалось иметь многочисленных рабынь-любовниц. Демосфен так распределил функции женщин: «Гетеры даны для удовольствия, наложницы для повседневных нужд и жены для законных детей и присматривать за хозяйством».²⁰⁴

В разнообразной и богатой событиями общественной жизни женщины участия не принимали, их выход в город происходил для участия в ритуальных шествиях на праздниках, похоронах или свадьбах. Считалось, что женщина может выйти на улицу, когда будут спрашивать, чья она мать, а не жена.²⁰⁵

В целом афиняне больше презирали глупость, чем порочность, и в этом отразился основной идеал рациональности. Политическая и экономическая свобода, процветавшая на уровне городов-государств определенного психического склада личности, где на первый план выступал практический ум. Описывая Афинское государство, В. Дюрانت отмечал: «Афиняне не могут жить без конкуренции и подстегивают друг друга с помощью почти безжалостного соперничества».²⁰⁶ Дух индивидуального соперничества отмечался во всех сферах жизнедеятельности – от экономической торговли, процветавшей в силу географии Средиземноморья, до спортивных состязаний. Политическая и экономическая свобода приводит к понятию индивидуальной личности как гражданина и демократии как формы власти. Социальные структуры становятся для свободного гражданина потенциально открытыми и не зависят от институтов родства и брака. Развитие «диалогической» философии

---

²⁰³ Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. – М., КРОН-ПРЕСС, 2003. – С. 261–21 А, 330–337.

²⁰⁴ Варвенюк Р. Секс в истории человечества. – М.; СПб., Питер, 2005. – С. 39.

²⁰⁵ Остерман Л. О Солон! История Афинской демократии. – М., 2001. – С. 80.

²⁰⁶ Дюрانت В. Жизнь Греции. – М., КРОН-ПРЕСС, 1997. – С. 304.

ведет к трансформации мифологического, коллективного и архаического сознания, к сознанию рефлексивному, индивидуальному. Указанная особенность сознания определяет культуру Древней Греции и развитие западной цивилизации на всем ее историческом протяжении до настоящего времени. Брак носит рационализированный характер, в его основе – экономические и государственные отношения. Для чувств и эмоций, «эроса», с которыми в первую очередь связывается сексуальность, существует широкая возможность внебрачного сексуального поведения. Поэтому брак вменяется в обязанность в законодательном порядке.

Проституция в Древней Греции оформляется в развитый и дифференцированный социальный институт. «Жрицы любви» имеют различные социальные статусы: *pornai* – живущие в общедоступных публичных домах и имеющие наиболее низкий социальный статус; флейтистки, или авлетриды, – кроме сексуальных услуг обеспечивали музыку на праздниках (соотносимы с современными «девушками по вызову»), и гетеры. Последние принимали клиентов в своих собственных домах и имели наиболее высокий социальный статус, вращаясь в кругах философов и политических деятелей.²⁰⁷

Прелюбодеяние рассматривается греками как запрещенное законом поведение только при условии связи с замужней женщиной и должно караться смертной казнью. Но данная норма, как отмечает В. Дюрانت, практически никогда не приводится в исполнение, и наказание ограничивается «поручениями поколотить греховника, иногда довольствуются денежной компенсацией».²⁰⁸ Такая ситуация в отношении к закону возможна только при условии политеизма, индивидуальной личности и позитивного понимания права; в условиях христианского монотеизма и восточных культур закон соблюдается неукоснительно, он представляет ритуализированный императив, так как является сакральным, божественным откровением (законы Моисея или суры Корана) или законом мироздания (принцип Дао).

Несмотря на то, что большинство западных исследователей сексуального поведения Древней Греции представляют педофилию как широко распространенное и узаконенное явление, это мнение можно считать достаточно спорным. Закон Скантия, относящийся по времени к IV в. до н. э. (поводом к его изданию послужила попытка насильственного мужеложства в отношении сына патриция, Метелла), карал преступников за насильственное покушение на достоинство свободнорожденных граждан. По этому Закону за совершение акта педерастии над свободнорожденным Публицием был осужден римлянин по имени Папирий. Моргус, военный трибун, был осужден за то, что совершил акт мужеложства в отношении офицера легиона. Центурион Корнелий был проведен сквозь строй за то же деяние, совершенное им в отношении гражданина своего круга.

Однако, согласно этому же Закону, насилловать рабов и илотов не воспрещалось. Участие в мистериях Диониса, сопровождавшихся ритуальным промискуитетом, было закрыто для детей моложе 14 лет. Законодательно было запрещено выпускать детей из «школ» после захода солнца и до рассвета. Соответственно сексуальное поведение в отношении детей имело законодательно регламентированный характер.

Социальная структура в Древнем Риме представлена родом, и семья является производной от этого понятия. Род объединяет потомков реального предка и является, по мнению Н. Рулана, промежуточным образованием между кланом и потомством.²⁰⁹ Если клан в китайской цивилизации основан на культе предков и обращен в прошлое, к традиции, то род римской цивилизации ориентирован на настоящее. Семья (лат. *familia*) представляет собой общность людей, живущих в одном доме, включая рабов и слуг, и, соответственно, большая часть членов не связана биологическим родством. Если клан существует независимо от чле-

---

²⁰⁷ Там же. – С. 307–309.

²⁰⁸ Там же. – С. 310.

²⁰⁹ Рулет Н. Юридическая антропология. – М., НОРМА, 2000. – С. 87.

нов, входящих в него, и имеет свои социальные институты, род реализуется только по отношению к конкретному индивиду. Таким образом, родственная сеть является эгоцентричной по отношению к каждому входящему члену, что может являться одним из источников формирования индивидуальной личности западного типа. Клан патрилинеен, преемственность прослеживается только по мужской линии. Род билатерален или когнатичен, так как включает родственников патрилинейных и матрилинейных. Тогда понятия экзогамии и эндогамии как института брака могут в значительной степени варьироваться применительно к роду. Члены семьи имели мало прав как индивиды, любые преступления карались внутри семьи или улаживались между заинтересованными семьями.²¹⁰ Род (*gens*) объединял значительное количество семей, главы объединенных семей назывались *pater*, т. е. глава домохозяйства, человек, имеющий власть. Таким образом, понятие отца не имело отношения к биологии, а связано напрямую с властью. На основе власти шло образование социальных страт – патрициев, клиентов, плебеев и рабов. Браки между патрициями и плебеями были запрещены.²¹¹

Разделение римского права на публичное и частное привело к тому, что институт брака стал со временем носить семейный характер и не был связан со жрецами или светскими чиновниками. Как и в большинстве других обществ, эволюция брака в античном мире шла от выкупа за невесту (*coemptio*) к противоположному – получению приданого (*dos*). Такая экономическая динамика брака, связанная с изменяющимся спросом на женихов и невест, несет значительные правовые изменения. Выкуп невесты означал передачу юридической власти над ней мужу как главе будущей семьи, последний однозначно имел доминирующую позицию, власть. Женщина в традиционном обществе за редким исключением самостоятельным юридическим лицом не являлась и должна была всегда находиться под властью мужчины – мужа, отца, брата. Такое положение в римском праве носит название “*sub manu*”, «под рукой». Брак – это передача власти от одного мужчины (брата, отца) другому (мужу). С III в. до н. э. появляется принципиально новая форма брака – брак “*sine manu*”, «брак без руки», без передачи власти. Таким образом, жена остается под властью своей семьи (*familia*), несмотря на патрилокальный характер брака. Муж получает приданое, но не власть.²¹² Латинское слово “*manus*” (рука) семантически означает не только власть как проявление доминирования/подчинения, но и опеку, защиту, покровительство. Современные биологи практически единодушны во мнении, что сексуальность и самосохранение, наряду с пищей, являются основными биологическими потребностями человека как вида *Homo sapiens*. Если в основной массе традиционных обществ все эти потребности могли быть удовлетворены в рамках социального института «большой» семьи и человек оказывался даже неосознанно полностью от него зависимым, то здесь происходит разделение сексуального поведения и потребности в защите, опеке. Результаты такого разделения сказываются на формировании определенного типа личности, принципиально отличного от восточных цивилизаций. Становится возможным личностный выбор брачного партнера, т. е. свобода и личная симпатия, наряду с добровольностью, являются определяющими в выборе, в противоположность такой ситуации, когда брачная сделка заключается между главами «семей» и будущие супруги впервые видят себя после свадьбы. Римская формула гласит – “*nuptias consensus non concubitus facit*”.²¹³ Однако во время брачной церемонии совершался ритуал символического похищения невесты как память об отдаленном прошлом: «...делали вид, будто девушку похищают из объятий матери, а если матери нет, то ближайшей родствен-

²¹⁰ Гис Ф., Гис Д. Брак и семья в Средние века. – М., 2002. – С. 26.

²¹¹ История Древнего мира / Под ред. В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева. – М., 1962. – С. 464.

²¹² Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. – М., 2003. – С. 20–27.

²¹³ «Брак совершается согласием, но не совокуплением».

ницы».²¹⁴ Эти факты свидетельствуют о том, что брак как похищение, основанное на насилии, являлся универсальной, ритуализированной формой архаического поведения в древности, отражавшей синкретизм насильственного и сексуального поведения. Такая архаическая форма поведения может лежать в основе ряда механизмов криминального поведения, совершаемого в состояниях диссоциированного, измененного состояния сознания и в настоящее время.

Существование частного права (*personas* – персонального) и разделение, дифференцировка власти и сексуальности – отличительные черты, характеризующие античность и формирование персоналистической, индивидуальной личности. Разделение власти и брака сохраняется также в Дигестах Юстиниана (Книга 23, Титул II, § 63): «Префект когорты или конницы или трибун вопреки запрещению вступили в брак с женщиной из той же провинции, в которой он исполнял свою должность; не будет брака. Этот случай можно сравнить с браком (опекуна) с подопечной, так как (в обоих случаях) брак воспрещен в силу наличия власти».²¹⁵ Другим моментом, определяющим специфику личностного фактора, является свободная возможность развода, которая для сторон не имела никаких экономических, материальных последствий, – жена забирала свое приданое, а выкуп за нее не платился. Такая форма развода закреплена в формулах “*tuas res tibi agito*”²¹⁶ для мужа и “*tuas res tibi habeto*”²¹⁷ для жены. Развод регулировался не законом, а обычаем, для этого достаточно либо одностороннего желания партнера или взаимного согласия.²¹⁸ Сенека писал: «Ни одна женщина не постыдится развестись, потому что женщины из благородных и знатных семейств считают годы не по числу консулов, а по числу мужей. Они разводятся, чтобы выйти замуж, и выходят замуж, чтобы развестись».²¹⁹ Свобода института брака находилась в обратной зависимости в отношении свободы сексуального поведения женщин, что выражалось в тяжести наказания за внебрачную сексуальность. В период республики муж имел право убить жену вместе с любовником, если заставлял их на месте преступления.²²⁰

Если в Древней Греции женщина находилась на своей половине дома и совершенно не участвовала в общественной жизни, в Риме она являлась полноправным членом общества и пользовалась свободой. Эта свобода порождает идеалы или моральные стандарты верности и целомудрия. Если в Греции Аристотель в «Никомаховой этике» писал, что «мы женимся, чтобы иметь законных детей верного сторожа нашего домашнего имущества», соответственно, ни о каких личностных привязанностях и проявлениях чувств речь не идет. В противоположность этому в Древнем Риме большое значение придавалось чувствам. «Секстия, жена Мамерка Скавра, которому грозил смертный приговор, уговорила его покончить вместе с собой и умерла вместе с ним; Паксея, жена Помпония Лабейона, перерезавшего себе вены, последовала его примеру»,²²¹ и таких примеров в истории Рима достаточно много. Однако механизм суицидального поведения отличен от такового в восточных цивилизациях и представляет акт волеизъявления, в противоположность ритуалу как должному, императивному.

Отсутствие полигамии, повсеместно распространенной на Востоке, уравновешивалось легитимностью конкубината и проституции. Мужчина мог одновременно иметь жену и наложницу, однако дети наложницы не являлись наследниками отца.

²¹⁴ Сергеев М. Е. Жизнь Древнего Рима. – СПб., 2002. – С. 208.

²¹⁵ Дигесты Юстиниана. Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузицина. – М., 1987. – С. 361–363.

²¹⁶ «Да отойдет тебе твое имущество».

²¹⁷ «Да будет принадлежать тебе твое имущество».

²¹⁸ Фридендер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонионов. – СПб., 1914. – С. 29–32.

²¹⁹ Цит. по: Сергеев М. Е. Жизнь Древнего Рима. – СПб., 2002. – С. 217.

²²⁰ Гис Ф., Гис Д. Брак и семья в Средние века. – М., 2002. – С. 37.

²²¹ Сергеев М. Е. Жизнь Древнего Рима. – СПб., 2002. – С. 212.

Император Август был одним из первых, кто «морализовал» сексуальность и издал закон, переводящий внебрачное сексуальное поведение из ведения семьи в разряд государственных преступлений. Он сам развелся со своей женой Скрибонией из-за ее «моральной извращенности», ввиду того, что ей не нравилась одна из любовниц мужа.²²² По его законам, если муж обнаруживал, что жена неверна ему, он был обязан развестись с ней, иначе ему полагалось наказание. Неверная жена изгонялась из города и лишалась половины наследства и трети собственности. Муж, имевший любовницу, которая не являлась зарегистрированной проституткой, наказывался за «неестественный порок».²²³ Женщина, имевшая троих детей, полностью освобождалась из-под опеки. Помимо этого институт опеки утрачивал свое значение. Уже в конце республики женщина получила полную свободу в частной жизни, как и ее муж. Гай в «Институциях» описывал опеку в прошедшем времени: «В старину хотели, чтобы женщины и в совершенных годах находились по причине своего легкомыслия (душевной легкости) под опекой».²²⁴ Свобода внебрачного сексуального поведения ставила под угрозу само существование брака как социального института, поэтому в Законе Августа предусматривался обязательный брак. Развитие права позволило уже в те времена найти способы обойти Закон посредством заключения сговора с малолетней девочкой, тем самым отсрочив заключение брака на много лет.²²⁵

Дигесты Юстиниана определяют брак как общность всей жизни, единение божественного и человеческого права (Книга 23, титул II, § 1), конкубинат приравнивается к институту брака (Книга 23, титул II, § 24), чем намечается переход к каноническому праву и нарастающее влияние христианского мировоззрения.²²⁶ Перед самым принятием христианства как официальной религии в Древнем Риме происходит изменение сексуальной морали. Сексуальность еще не является грехом, она по-прежнему относится к категории удовольствия, но удовольствия, таившего в себе опасность, сравнимого с удовольствием, получаемым от приема алкоголя. Такая постановка проблемы связана не с религиозными влияниями, а, в первую очередь, с успехами медицины того времени, а именно с легендами о сохранении здоровья посредством различных ограничений, в том числе и сексуальных. Так, Марк Аврелий советует: «Молодым людям вплоть до женитьбы следует сторониться любовных увлечений, не спешить с первым в жизни мужским актом, не прикасаться ни к рабыне, ни к служанке, избегать онанизма, и не только потому, что он действительно истощает силы, но потому, что приводит к преждевременной половой зрелости, которая рискует обернуться “плодом” с червоточинной».²²⁷ Таким образом, налицо медиализация морали и морализация медицины, синхроничная таковой в Европе Нового времени вне зависимости от уровня медицинских, в частности сексологических, знаний. Следовательно, почва для последующего христианского аскетизма и понятия сексуального греха уже полностью была подготовленной. И. Диби (2004), описывая сексуальное поведение в поздний период Рима, пишет: «Человека причисляли к законченным распутникам, если он нарушал три запрета: занимался любовью до наступления ночи, при свете дня; занимался любовью с партнершей, раздетой донага, – только “падшие женщины” проделывали это без лифчиков; позволял себе использовать для ласки правую руку – прикосновения исключительно могли совершаться только левой рукой».²²⁸

²²² Тэннэхилл Р. Секс в истории. – М., 1995. – С. 112.

²²³ Там же. – С. 112–113.

²²⁴ Сергеев М. Е. Жизнь Древнего Рима. – СПб., 2002. – С. 206.

²²⁵ Машкин Н. А. Принципат Август. – М.; Л., 1949. – С. 419–423.

²²⁶ Дигесты Юстиниана. Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. – М., 1987. – С. 361–363.

²²⁷ Диби П. Этнология спальни. – М., 2004. – С. 73–74.

²²⁸ Там же. – С. 74.

над ним, по мнению М. Фуко, появляется только в индустриальных обществах, не ранее Нового времени.²³⁵ В античном мире отделенное от власти сексуальное поведение становится синкретичным с чувствами. Однако эта чувственность в античном идеале рациональности подчинена разуму. «Греки считали романтическую любовь видом одержимости или безумия и высмеяли бы каждого, кто предложил бы ее в качестве руководства при выборе супруга», – отмечал W. Summer.²³⁶ Рационализация чувственности не только позволила Гиппократу создать типологию личности, основанную на темпераменте, широко используемую и в современной психологии, но и в рамках этой типологии выделить четыре разновидности любви – эрос, строгэ, филия и агапэ, – соотносимых с темпераментом.²³⁷ Формирование индивидуальной личности в античном мире дало возможность Гиппократу «положить начало научной типологии личности, без которой не возникли бы современные учения об индивидуальных различиях между людьми».²³⁸

в) Европейская цивилизация

Правовая история Европы начинается с эпохи варварских «Правд» как основных нормативов того времени. Социальная организация варваров носит характер большой патриархальной семьи, в которой сыновья с возрастом приобретали юридическую свободу. Быт, обычаи и нравы варваров стали известны во многом благодаря их описанию Тацитом. Варварское общество испытывало недостаток женщин, поэтому брак рассматривался как покупка жены, и основные законы были направлены на ее охрану как собственности.

В «Салической Правде» раздел XIII «О похищении свободных» гласил: 1 «Если три человека похитят свободную девушку, они обязаны уплатить по 30 сол. каждый», однако если это похищение совершено рабом или неполноправным, зависимым человеком, то он предается смертной казни. Для сравнения: в разделе XX «О том, кто схватит свободную женщину за руку, за кисть или за палец» присуждалось уплатить 15 сол., т. е. сумма за похищение всего в два раза превышала таковую.²³⁹ По этому же закону человек, лишивший жизни женщину детородного возраста, уплачивал 600 сол., если «она уже не может более иметь детей, присуждается у уплате 8000 ден., что составляет 200 сол.».²⁴⁰

В «Аламманской Правде» за убийство женщины плата составляет в два раза большую сумму, чем за убийство мужчины. И соответственно прописывается охрана жены как собственности, «если какой-либо свободный против закона уведет жену другого, то должен ее возвратить и уплатить 80 сол.».²⁴¹

Одной из криминальных форм сексуального поведения являлось прелюбодеяние. Согласно описаниям Тацита, наказание осуществлялось «на месте» мужем, который, «обрезав изменнице волосы и раздев ее до нага, в присутствии родственников выбрасывает ее из своего дома и, настегивая бичом, гонит по всей деревне». Возвратиться домой она уже не может, «и сколь бы красивой, молодой и богатой она ни была, ей больше не найти нового

²³⁵ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. История сексуальности – I. – М., 1996.

²³⁶ Summer W. Folkways. – Boston, 1906. – P. 362.

²³⁷ Государев Н.А. Треугольный человек. – М., 1991. – С. 146.

²³⁸ Петровский А. В., Ярошевский М. Г. История и теория психологии. Т. 1. – Ростов н/Д, 1996. – С. 56–57.

²³⁹ Салическая Правда (Lex salica) / Под ред. В. Ф. Семенова. – М., Наука, 1950. – С. 19–21, 36–37.

²⁴⁰ Там же. – С. 56–58.

²⁴¹ Аламманская Правда (Lex Alamannorum) // Антология мировой правовой мысли. Т. 2: Европа V–XVII вв. / Под ред. Г. Ю. Семигина. – М., Смысл, 1999. – С. 44.

мужа».²⁴² За прелюбодеяние, согласно «Салической Правде», муж имел право убить жену или потребовать компенсации у любовника, которая могла составлять 200 сол.

Другая криминальная форма поведения – инцест. Так, «Аламманская Правда» § 39 «О недозволенных браках» определяет: «1. Кровосмесительные браки мы запрещаем. Поэтому нельзя брать в жены тещу, невестку, падчерицу, мачеху, дочь брата, дочь сестры, жену брата, сестру жены. Сыновья братьев, дети сестер могут соединяться между собой без всяких оговорок. 2. Если кто-нибудь поступит вопреки этому, то судьями он изгоняется и теряет свое имущество, которое приобретает казна».²⁴³

Совершенно иная ситуация представляется при анализе законодательств Готского королевства. Так «Эдикт короля Теодориха Остготского», относящийся к XII в., гласит: XVII «Похитителя свободной женщины или девушки со своими сообщниками или пособниками приказываем присуждать к смертной казни»; LX «Если кто насилем соблазнит вдову, какого бы он ни был происхождения, понесет наказание, установленное за прелюбодеяние (т. е. смертная казнь)»; LXIII «Если чужой раб или оргинарий соблазнит насилем свободную девушку или насилем обесчестит вдову с согласия господина, после разбора дела и установления вины он карается смертной казнью».²⁴⁴ Кроме того, «Эдикт» устанавливает свободный институт брака: XCIII «Отец против желания не принуждается отдать дочь в супружество кому-либо», вместо выкупа за невесту выплачивается приданое. Такое несоответствие «Эдикта» с другими варварскими правдами обусловлено тем, что вестготы с начала XII в. становятся союзниками Римской империи, заселяют южную часть ее провинции. Происходит рецепция римского права.

Формирование канонического, церковного права как в римско-католической, так и в греко-православной традициях опиралось, прежде всего, на Священное писание, книги Ветхого и Нового Завета. Соответственно институт брака объявлялся моногамным и нерасторжимым. Кроме обязательного публичного характера брака добавлялся компонент сакрального, в форме совершения таинства. Начинается процесс «нуклеаризации» патриархальной семьи. В крестьянской среде, которая составляла основную часть социума средневековой Европы, нуклеарная семья была экономически более выгодной структурой и заменила в аграрном обществе принудительный рабский труд на «добровольный», выполняемый крестьянами, получившими статус свободных (*liber*) и колонов (*colonus*), свободных, но пожизненно привязанных к поместью. В отличие от римской системы патрилинейного родства вводится новая когнативная (билатеральная) система.

Момент сакрального, который стал обязательным в брачной церемонии, сделал возможным насильников и похитителей превращать в женихов. Таким образом, уже совершенное насилие становилось как бы санкционированным, проявленное своеволие, власть символически становились церковными в обмен на прощение греха. В отношении похищенной должны были произноситься публичные извинения: «Дорогая и возлюбленная жена, общеизвестно, что я завладел тобой против твоей воли и воли твоих родителей и что преступлением похищения я связал тебя со своей участью, которая могла бы подвергнуть мою жизнь опасности, если бы только священнослужители не восстановили понимание и мир», – так примерно звучала извинительная формула.²⁴⁵ Если для светской власти и судебных властей основной интерес сосредоточен на семье и распределении собственности, то для религиозной власти на первый план выдвигаются вопросы морали, поэтому сексуальное поведение ста-

²⁴² Корнелий Тацит. Германия // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. – Л., Наука, 1969. – С. 361.

²⁴³ Аламманская Правда (*Lex Alamannomm*) // Антология мировой правовой мысли. Т. 2: Европа V – XVII вв. / Под ред. Г. Ю. Семигина. – М., Смысл, 1999. – С. 43.

²⁴⁴ Эдикт Теодориха (*Edictum Theodorici Regis*) // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. – М., 1964. – С. 157–178, 180–182.

²⁴⁵ Gies F., Gies J. *Marriage and the Family in the Middle Ages*. – London, 1987. – P. 67.

новится центральной проблемой. Один из законодателей стандартов Блаженный Августин писал: «Мы советуем и призываем к воздержанию в браке, поскольку брак без воздержания незаконен, но является грехом и [брак] разрешен властью Господа не для удовлетворения похоти, а для рождения детей».²⁴⁶

Чувства как проявления личностной индивидуальности, получившие право на существование в античном мире, категорически отвергаются в христианстве, их место занимает идеал аскетизма, который заключается в добродетели и целомудрии. Апостол Павел наивысшей добродетелью считает безбрачие, а брак рассматривается как средство, которое не позволяет грешить. «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Кор. 7, 9). Брак в его неразрывности и моногамности и образуемая им нуклеарная семья, включающая мужа, жену, детей и родителей, становится не только единой социальной, но и эмоциональной и психологической структурой. Нуклеарная семья как структура изоморфна античной личности, т. е. в идеале представляет собой единый организм. Как отмечается в заповеди, «Господь соединил их [т. е. состоящих в браке] во едином теле». Тогда ни о какой реализации чувства любви в браке не могло быть и речи. Прелюбодеяние в это время становится выше брака, и делалось это как раз во имя самостоятельности любви, которую брак не мог позволить ни полностью, ни даже частично».²⁴⁷

Законодательство Византийской империи «Эклога», оказавшее основное влияние на развитие права на Руси и определившее каноническое право Греко-православной церкви, содержит положения Титула XVII «Наказания за преступления», где рассматриваются сексуальные преступления.

Одно из наиболее легких наказаний полагалось за разврат, т. е. сексуальные отношения вне брака: § 19. «Имеющий жену да развратничающий да получит для назидания 12 ударов, будь то богатый или бедный; § 20. Не имеющий жены и занимающийся развратом получит шесть ударов».²⁴⁸

Принципиальным христианским новшеством «Эклоги» было запрещение сексуальных отношений с рабами и наложницами. Так, § 21–22 гласят: «Если человек, имеющий жену, вступит в связь со своей рабыней и будет уличен в этом деле, то местному архонту надлежит забрать ее и продать за пределы провинции, а стоимость ее передать в ведомство казны. Если кто-либо вступил в связь с чужой рабыней, то, если он принадлежит к числу лиц сановных, уплатит за свою ошибку хозяину рабыни...»

Особо караются преступления, связанные с насильственным сексуальным поведением и прелюбодеянием в отношении специальных субъектов – монахинь и невест, даже если они носят добровольный характер. Титул XVII § 24 предусматривает: «Тот, кто похитил монахиню или светскую девушку из какого-то ни было места, если он обесчестил ее, подвергнется отсечению носа. Те же, кто содействовал этому похищению, подлежат изгнанию»; § 30 «Изнасиловавший девушку. И обесчестивший ее подлежит отрезанию носа»; § 31 «Обесчестивший несовершеннолетнюю, то есть в возрасте до тринадцати лет, подлежит отрезанию носа и отдаст половину своего состояния потерпевшей». В отношении прелюбодеяния § 23 «Если кто-либо вступит в связь с монахиней, то как оскорбивший церковь божью подвергнется отсечению носа, так как своим развратом удалил монахиню от церкви. То же наказание применяется по отношению к монахине»; § 32 «Обесчестивший чужую невесту, если это сделано и с ее согласия, подлежит отрезанию носа».²⁴⁹

²⁴⁶ Augustine. Treatises on Marriage and Other Subjects / Transl. Ch. Wilcox. – New York, 1955. – P.21–22.

²⁴⁷ Либера А. Де. Средневековое мышление. – М., 2004. – С. 140.

²⁴⁸ Эклога. Византийский законодательный свод VII века. – М., 1965. – С. 41–46.

²⁴⁹ Там же.

В случае прелюбодеяния с замужней женщиной «и он, и она подвергнутся отрезанию носа... Совершивший же прелюбодеяние не разлучается со своей женой, хотя у него отрезан нос» (Титул XVII. § 27). Холостой, «вступивший в связь с девушкой с согласия ее, но без ведома родителей», должен либо жениться на ней, либо выплатить денежную компенсация, либо «если он совсем беден и неимуш, то да будет он высечен, острижен и выслан» (Титул XVII. § 29).²⁵⁰

«Эклога» значительно расширяет понятие инцестных связей, прежде всего, за счет того, что в христианстве крестные отец и мать, становятся родственниками, аналогичными кровным, а также за счет сексуальных связей между экзогамными родственниками. Так, в § 25 сказано: «Если человек вздумал вступить в брак с той, которая стала его крестницей при святом и спасительном крещении, или вступил с ней без брака в телесную связь, то после того, как они будут разлучены друг с другом, оба будут преданы наказанию за прелюбодеянию, то есть отсечению носа». § 34 гласит: «Тот, кто заведомо вступает в связь с чужими женщинами, приходящимися друг другу матерью и дочерью, подлежит наказанию – обрезаю нос. Тем же наказывается и та, которая сознательно участвовала в этом».

Отдельными статьями в «Эклоге» прописывается гомосексуальное поведение и скотоложство, при этом наказания за данные виды преступлений отличаются от других сексуальных преступлений. § 38: «Мужеложство и участники его, активные и пассивные, караются мечом», и § 39: «Скотоложство карается оскотлением».²⁵¹

В судебных канонического права отсутствует наказание за проституцию. Хотя Блаженный Августин и осуждает проституцию как явление, но одновременно он отмечает: «И все же удали проституцию из дел человека, и он загрязнит все своею похотью... Уберите канализационные трубы, и мы заполним дворец грязью... Удалите проститутку из мира, и вы заполните его содомией».²⁵² J. Brundage в работе, посвященной правовому регулированию сексуального поведения, пишет: «Моралисты раннего Средневековья верили в то, что страсть, особенно сексуальная, несла в себе угрозу благополучия как личности, так и общества. Поскольку сексуальная страсть побуждала мужчин и женщин искать плотское удовлетворение практически с любым, в любое время и любым способом, какой они в состоянии были придумать, христианские моралисты и законодатели усматривали в сексе разрушительную силу, опасную для жизни общества. Сексуальные влечения, с их точки зрения, должны были быть введены в надлежащее русло и поставлены под контроль, иначе это нарушит процесс упорядочивания семей».²⁵³

Однако такое представление носит несколько упрощенный характер и не дает возможности интерпретаций о специфике наказаний, тяжести греха и философских мировоззрениях того периода. Страх перед «содомией» Блаженного Августина обусловлен систематикой грехов. Грех «против природы» относится к числу наиболее опасных и «карается мечом» или оскотлением. Поэтому выбирается «меньшее из зол». Если инцест – это нарушение в иерархии власти и отношений внутри семьи (в том числе «святого семейства», т. е. крестных отца и матери), то гомосексуальное поведение и скотоложство – грехи, нарушающие отношения порядка внутри самой природы.

Эта концепция находит свое окончательное развитие в трудах другого «отца» церкви Фомы Аквинского. Определяя грех как нарушенный порядок вещей, к «противоестественной похоти», или *visum contra naturam*, он относит мастурбацию, скотоложство, гомосексуализм и «необычные способы соития», т. е. все те формы сексуального поведения, которые

²⁵⁰ Там же. – С. 43.

²⁵¹ Там же. – С. 48–60.

²⁵² Цит. по: Парриндер Дж. Сексуальная мораль в мировых религиях. – М., 2002. – С.295.

²⁵³ Brundage J. A. Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe. – Chicago, University of Chicago Press, 1987. – P. 152.

нарушают видовой порядок, делают ошибку биологического синтаксиса. Ален де Либера, французский специалист по истории средневековой философии по этому вопросу, пишет: «В своем анализе греха против природы Фома Аквинский пытался объяснить, в чем этот самый грех искажает половой акт: в том, что он противопоставляется порядку, то есть естественному завершению действия, подходящему роду человеческому. Достаточно сказать, что в томистской перспективе истинным обладателем, скажем, сексуальным субъектом должен быть мужчина – человеческий вид, а не индивид».²⁵⁴ Отсутствие персоналистической личности и ее семейная идентификация носят не групповой, а видовой характер, как биологического вида. Биологическая сущность человека как вида берется как стандарт идентификации, который в последующем развитии традиции Запада приведет к постановке вопроса о биологической индивидуальности человека. На основе философии томизма в дальнейшем в христианском мире складывается следующая парадоксальная ситуация: «Мастурбация, казалось бы, была наименьшим злом, но она считалась неразумной и не способствующей продолжению рода и, таким образом, становилась более тяжким преступлением, чем инцест, измена, насилие или разврат».²⁵⁵

Тогда проституция получает социальный статус от обратного как «законная аморальность», как антипод нравственности. Поэтому Фома Аквинский вторит Августину: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность».²⁵⁶ Иерархия грехов сексуального характера в христианстве, приводимая Е. Levin, выглядит следующим образом (по мере их нарастания): (1) нецеломудренный поцелуй, (2) нецеломудренное прикосновение, (3) блуд, (4) распущенность (включая соращение девственницы), (5) простое прелюбодеяние (когда в браке только один партнер), (6) двойное прелюбодеяние, (7) добровольное святотатство (один из партнеров связан религиозным обетом), (8) изнасилование или похищение девственницы, (9) изнасилование или похищение чужой жены, (10) изнасилование или похищение монахини, (11) кровосмешительство, (12) мастурбация, (13) неподобающая позиция при сношении (даже между супругами), (14) проникновение в неподобающее отверстие (особо неприемлемо между супругами), (15) содомия, (16) скотоложство.²⁵⁷

Новшеством в наказаниях канонического права становится их членовредительский характер, который применяется в том числе и к сексуальным преступлениям, в форме отрезания носа, смертной казни, оскотления (кастрации). Если за кражи полагается отрубание руки как инструмента совершения преступления, то отрезание носа на первый взгляд можно рассматривать как метод обезображивания. Такие формы наказаний свидетельствуют не о жестокости кары, а в первую очередь о символическом сакральном характере, специфическом для любой религиозной системы. Так, за покушение на монарха предусматривается ослепление, и одновременно детронизированный монарх сам подвергается ослеплению, чем лишается приобщенности к сакральному. Так, начиная с иудаизма, символика света и тьмы, соотносимая с категориями добра и зла, непосредственно переходит в христианскую культуру, и ослепление есть непосредственно лишение света. У древних греков Зевс оскотляет Кроноса, тем самым лишая его сакральной власти. Наказания в форме членовредительства есть наказания в онтологической размерности сакрального, к которой и отнесены все сексуальные преступления.

В античном мире большинство наказаний носило характер выплаты, компенсации и, таким образом, они имели частный характер, – либо виновный выплачивал компенсацию,

²⁵⁴ Либера А. Де. Средневековое мышление. – М., 2004. – С. 165–166.

²⁵⁵ Парриндер Дж. Сексуальная мораль в мировых религиях. – М., 2002. – С. 294–295.

²⁵⁶ Цит. по: Гишинский Я. И. Девиантология. СПб., 2004. – С. 368.

²⁵⁷ Цит. по: Levin E. Sex and society in the World of Orthodox Slavs, 900—1700. London, Cornell University Press, 1989. – P. 311–312.

либо его продавали в рабство и деньги поступали потерпевшей стороне. Наказания публичного характера – это, в первую очередь, остракизмы, лишение гражданских прав, изоляция от общества. Онтологическая реальность сакрального, священного и ее символический характер постоянно прослеживаются в различных литературных источниках в образе суда божьего, разделяющего грешников и праведников, и соответствующая его легитимизация приводит к появлению ордалий как доказательственного института. Наказание в виде членовредительства выступает как биологическая ортопедия, согласуясь с представлениями о сущностной биологической природе человека.

Использование биологического стандарта приводит к появлению двух отклонений, которые в теологии получают название «скотство». Это, как отмечалось, сексуальное общение между видами, принадлежащими к разным классам (т. е. собственно скотоложство), и употребление «неестественных техник и инструментов» (т. е. скотство в значении зверства). И, как отмечает Ален де Либера, «первое нарушает порядок природы, второе извращает его».²⁵⁸ Это – одно из положений учения Фомы Аквинского, Оно не столько представляет исторический интерес, сколько имеет непреходящее значение для научных представлений сегодня. Учение томизма составляет ядро христианского миропонимания и основано на представлениях Аристотеля, у которого был заимствован биологический стандарт, на оппозиции культуры и натуры (биологической природы). Главным в этой антиномии выступало не сексуальное поведение (*philia* – любовь, в смысле стремления плоти, в противоположность *eros* – любви чувственной), а пищевое (фаги – от греч. *phagos* – пожирающий),²⁵⁹ исходя из которого античный мир различал культурные, цивилизованные народы и варваров, имеющих биологическую природу в зависимости от употребления сырой или жареной/вареной пищи. В христианской теологической концепции, разделившей онтологию на духовное и природное, в качестве осевого, главного идеала духовной чистоты, благодати стало выступать сексуальное поведение. Соответственно терпимость античного мира к любым формам сексуального поведения проявлялась в непринятии разнообразия фагий, в первую очередь это относилось к каннибализму (антропофагия) и к потреблению сырого мяса вообще. В теологии смещение грехов на сексуальность привело к понятию извращений сексуального поведения, для обозначения которых вначале использовался термин «перверсия» (извращение), который в последующем заменен понятием «парафилия».

Историческая эволюция средневекового Запада в отношении норм регуляции сексуального поведения претерпевает несколько значительных изменений, которые составной частью приведут в последующем к эпохам Возрождения и Реформации, вслед за которыми последуют промышленные революции, знаменующие собой переход к Новому времени и становлению общества индустриального типа. К таким изменениям относятся процесс дифференцировки канонического, церковного и светского, «цивильного», права, рецепция римского права, появление «Хартий» городского права, «Статутов» и «Капитуляриев» университетского права и изменение ментальности, одним из следствий которого станет появление куртуазной любви.

Ослабление влияния церкви и реформаторские течения в лоне католицизма приводят к появлению феномена «беспорядочных браков», таких брачных союзов, которые совершались вопреки воле старших членов семейства. Изобретение печатного дела – вторая информационная революция человеческой истории после изобретения письменности – вносит свою значительную лепту. Наряду с распространением Священного писания (около 75 % типографской продукции) начинает распространяться «непристойная литература», описание любовных поз Брантом и Аретино, имевших в свое время такую же репутацию, как

²⁵⁸ Де Либера А. Средневековое мышление. – М., 2004. – С. 166–167.

²⁵⁹ Современный словарь иностранных слов. – М., 1993. – С. 633.

в последующем маркиз де Сад. Именно эти обстоятельства станут причиной появления в 1501 г. буллы Александра Борджиа, с которой начнется книжное аутодафе.

Разграничение семантики церковного и светского права начинается с работ юристов, относящихся к XIII–XIV вв. Так, итальянский юрист Сассоферрато Бартол пишет сочинение «О различиях между каноническим правом и гражданским», где значительная часть положений отводится институтам брака и семьи и половым преступлениям. Так, в отношении брака он различает: «По каноническому праву родитель может выдать замуж свою дочь, даже если она противится; по гражданскому – без недостойности и позора – не может», т. е. отсутствует требование согласия на брак родителей.²⁶⁰ В отношении распределения криминальных форм сексуального поведения в каноническом и светском праве С. Бартол пишет: № 59 «Тот, кто пользуется дурной славой по каноническому праву (только на основании того, что способен на грех), может подозреваться в любом преступлении; но по гражданскому праву – нет»; № 75 «По каноническому праву наказанием за инцест и прелюбодеяние является смерть, но по гражданскому праву женщина заключается в монастырь»; № 83 «Совершенный с монахиней инцест по гражданскому праву карается смертной казнью; по каноническому – клирик низлагается, мирянин отлучается от церкви»; № 90 «По каноническому праву, бесчестие может быть нанесено только девице; по гражданскому праву – также вдове, мальчику или разведенной»; № 93 «По гражданскому праву отец, заставший свою дочь в прелюбодеянии и убивший ее, не наказывается, а по каноническому – наказывается»; № 97 «Похищенная женщина по гражданскому праву не может выйти замуж за похитителя; по каноническому – может»; № 124–126 «Испортивший девушку, хотя он и наказывается сурово другим образом, по гражданскому праву не обязан взять ее в жены; по каноническому праву – обязан; нанесший бесчестие наказывается по каноническому праву меньше, чем по гражданскому; похищение невесты по добровольному согласию по гражданскому праву допускается, по каноническому – иначе», и № 165–166 «По гражданскому праву жена не может обвинить мужа в прелюбодеянии; по гражданскому праву за прелюбодеяние следует телесное наказание, по каноническому – отлучение от ложа».²⁶¹

Разграничение правовых систем, проводимое С. Бартолом, естественно, далеко от совершенства, но исторически оно является одним из первых документальных свидетельств, посвященных компаративистскому анализу в области сексуальных правонарушений. Сравнимые системы права различны, так как одно строится на канонах и догматах веры, другое формируется на основе норм римского права, но факт их дифференцировки есть свидетельство изменения ментальности и развития рефлексии в области права.

Образование университетов в XIII–XIV вв. как самостоятельных социальных институтов, обладающих экономической, юридической и административной независимостью, приводит к созданию внутренних правовых норм – «Статутов» и «Капитуляриев», которые полностью регулируют внутренний распорядок жизни как учителей, так и учеников. Данные нормы в числе прочих регулируют и сексуальное поведение. Так, «Капитулярий» Парижского университета содержит шесть положений:²⁶²

I. Грех против человеческой природы, сколь бы ни был он направлен против природы рода, не противоречит природе индивида, даже при дурном использовании совокупления.

II. Целомудрие само по себе не есть добродетель.

III. Полное воздержание от плотских дел вредит и добродетели, и человеческому роду.

²⁶⁰ Бартол Сассоферрато. О различиях между каноническим правом и гражданским // Антология мировой правовой мысли. Т. 2: Европа V–XVII вв. / Под ред. Г. Ю. Семигина. – М., Смысл, 1999. – С. 320–332.

²⁶¹ Там же. – С. 324–328.

²⁶² Де Либера А. Средневековое мышление. – М., 2004. – С. 148.

IV. Удовольствие, полученное от сексуальной активности, не мешает мыслительной активности и ее применению.

V. Целомудрие не есть высшее благо при полном воздержании.

VI. Простой блуд, блуд неженатого с незамужней, не является грехом.

Эти тезисы отражают совершенно новую ментальность и служат фоном для формирования новых стандартов человеческого поведения.

Еще одним феноменом Средневековья, оказавшим значительное влияние на сексуальное поведение, можно считать появление куртуазной любви. Исследователь средневековой культуры Ж. Ле Гофф пишет: «...генезис куртуазной любви даже на уровне фактических представлений остается непроясненным», «дискуссия об интерпретации еще не завершена».²⁶³ Одним из возможных подходов к рассмотрению данного феномена может выступать сценарий инверсии власти в гендерных отношениях. Ж. Ле Гофф отмечает: «... характер этой любви, вдохновляемой связями между сеньором и вассалом, когда вассалом выступает дама, представительница прекрасного пола».²⁶⁴ Этому способствовал ряд условий, наиболее значимым из которых представляется примогенатура, когда неделимое имущество наследовалось в феодальных семьях только старшим сыном, остальные дети стали формировать «бедное богатое» сословие и вынуждены были искать материальное благосостояние за счет брака. Еще одно условие формирования куртуазной любви психологический протест против сексуальной морали феодального общества.

Доказательства сексуальных преступлений в каноническом праве особой проблемы не составляли, так как использовался институт исповеди, существовали показания «добропорядочных» свидетелей и в арсенале всегда была возможность проведения ордалий. Однако для светского правосудия проблема доказывания в суде становится актуальной уже со времен «Эклоги». Так, титул XVII, § 27, гласил: «И расследование дела о прелюбодеянии должно быть проведено с большой тщательностью, и судьи должны рассмотреть, что из себя представляют обвинители в этом процессе. И если обвиняют ее собственный отец, или муж, или брат, или мать, или дядя, то основание иска является более достойным доверия. Если же обвинителями являются чужие, должно быть установлено по правилам, каково поведение этих лиц, и это должно быть подтверждено в отношении их и у каждого должны быть затребованы доказательства по делу. И если они докажут факт наличия связи, то да будет отрезан нос и у развратника и у развратницы. Если же не докажут, но сделали обвинение из вражды, то подлежат как клеветники такой же каре».²⁶⁵

Часто вопросы сексологического характера возникали как обоснования расторжения брака, для чего проводилось освидетельствование жены и даже мужа. Пример такой «сексологической экспертизы», относящейся к XIV в., приводит в своей монографии R. H. Hilton: «Семь добропорядочных женщин назначались для того, чтобы подтвердить девственность жены, и в большинстве судов выставлялись семь добропорядочных мужчин, чтобы засвидетельствовать импотенцию мужа. В судах Йорка и Кентербери считали, что и последнее лучше поручать добропорядочным женщинам. В документированном деле в Йорке одна из «добропорядочных» женщин обнажала груди и согретыми у помянутого огня руками держала и растирала пенис и яички помянутого Джона. И она обняла и часто целовала помянутого Джона и возбуждала его, насколько могла, показать его мужество и потенцию, убеждая его, что стыдно ему не доказать там и тогда, что он не мужчина».²⁶⁶

---

²⁶³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – Екатеринбург, 2005. – С. 426–427.

²⁶⁴ Там же. – С. 427.

²⁶⁵ Эклога. Византийский законодательный свод VII века. – М., Наука, 1965. – С. 41.

²⁶⁶ Hilton R. H. Bond Men Made Free: Medieval Peasant Movements and the English Rising of 1381. – New York, 1973. – P. 180.

В эпоху Возрождения в Венеции перед юристами стоял открытым вопрос, считать ли в юридическом смысле изнасилование блудом или разбойным нападением, при этом оно не относилось к категории тяжких преступлений. «Превращение женщин в жертв насилия не воспринималось как предмет серьезной озабоченности в силу предвзятого представления о якобы маловажности данного явления».²⁶⁷

Эпоха Реформации, раскола римско-католической церкви помимо чисто теологических причин несла в себе и особенности сексуального поведения. Основными моментами применительно к сексуальному поведению являлись: (1) возможность упрощенной процедуры развода, (2) значительное сужение границ инцеста, (3) предпочтение брака целомудрию, в том числе для клира. Своим последователям Лютер говорил: «Берите себе в супруги кого хотите, крестных родителей, крестников, дочь или сестру восприемника и не обращайтесь на эти искусственные, высасывающие деньги препятствия».²⁶⁸

За период Средневековья происходит значительное сокращение функций семьи. В частности, власть переходит в руки судов, религия становится функцией церкви, и размеры семьи находятся в обратно пропорциональной зависимости от государства: когда последнее слабело, преобладала большая семья, когда государство набирало силу, семья становилась нуклеарной. Контроль и регуляция сексуального поведения, в том числе внутри института брака, перешли к церкви.

г) Россия в доиндустриальную эпоху

Древняя Русь, по мнению Н. М. Карамзина, получила свои «гражданские уставы» от скандинавов («главная цель общежития есть личная безопасность и неотъемлемость собственности»²⁶⁹). Характеризуя нравы славянских племен до принятия христианства, Н. М. Карамзин писал: «Древние писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть верными супругами. Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сжигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство».²⁷⁰ Цитируя Нестора, Н. М. Карамзин также отмечает: «Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем; стыдливость украшала их жен; брак издревле считался святой обязанностью между ними; мир и целомудрие господствовали между ними. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаются всякою нечистотою; в распрях и ссорах убивали друг друга; не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц. Северяне, радимичи и вятичи уподоблялись нравами древлянам; также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных; но молодые люди обою пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе; многоженство было у них в обыкновении».²⁷¹

Устав Святого князя Владимира в отношении регуляции сексуального поведения преследует блуд, кровосмешение: «...аже кто с сестрой согрешит... аже свекор с снохою блудит».

²⁶⁷ Ruggiero G. The Boundaries of Eros: Sex Crime and Sexuality in Renaissance Venice. – New York, Oxford University Press, 1985. – P. 96.

²⁶⁸ Гис Ф., Гис Д. Брак и семья в средние века. – М., 2002. – С. 315.

²⁶⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. / Т. I–III. – Тула, Приокское книжное издательство, 1990. – С. 225.

²⁷⁰ Там же. – С. 84.

²⁷¹ Там же. – С. 85.

дит... аже кум с кумою сотворит блуд... аже кто с мачехой сблудит», многоженство: «... аще кто с двумя сестрами падется...».²⁷²

Другим из наиболее древних исторических правовых документов является «Русская Правда», или «Законы Ярославовы». Этот исторический памятник правовой мысли аналогичен «варварским правдам» средневековой Европы, поскольку в нем прописаны светские нормы поведения, в основном относящиеся к уголовным правонарушениям, и отсутствуют религиозные и моральные догмы. Как отмечал Н. М. Карамзин, в «Русской Правде» Ярослава нет упоминания о насилии над женщинами, так как последнее «казалось законодателю сомнительным и неясным в доказательствах».²⁷³ Распространение насилия исходит из древних дохристианских брачных обрядов – «умыкание» или похищение невесты, которые упоминаются со времен летописца Нестора,²⁷⁴ на тех «бесовских игрищах умыкашу жены себе, с нею же кто свещашеся».²⁷⁵ Такая форма брака вызывала вражду между родами, которая в последующем трансформируется в «отступные» или «выкуп» невесты и далее в «прямую продажу невесты жениху ее родственниками по взаимному соглашению родни обеих сторон: акт насилия заменяется сделкой с обрядом».²⁷⁶ Таким образом, происходит процесс сближения родов, родственники жениха и невесты становятся свояками, отражая новый процесс образования родства и образование «большой» семьи. Большая родовая семья Древней Руси как социальный институт отражала специфику наследственного права. Как писал С. М. Соловьев, «связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тем, что когда умрет старший или великий князь, то достоинство его вместе с главным столом переходит не к старшему сыну его, но к старшему в целом роде княжеском».²⁷⁷

Насилие как форма поведения не выступает в обществе Древней Руси как противозаконное поведение, о чем свидетельствует не только «умыкание невесты», но и «поле» в практике судопроизводства, судебный поединок: «... окончательное решение предоставляется оружию, чей меч острее, тот и берет верх. Кто одолеет в бою, тот и выигрывает дело».²⁷⁸

Важной особенностью «Русской Правды», не отягощенной религиозными догмами, является отсутствие телесных наказаний: «... виновный платил или жизнью, или вольностию, или деньгами». Телесное насилие было исключено из системы наказаний, так как оно само носило институциональный характер.

Наряду с «Русской Правдой» существует «Церковный устав Ярославов», согласно которому регулируется семейный, религиозный и нравственный порядок. С инкорпорацией христианства происходят не только разделение власти религиозной и светской, но и различение и соотношение понятий греха и преступления. Всякое преступление – грех, но не всякий грех является преступлением. Наряду с государством как социальным институтом контроля поведения формируется и церковь как социальный институт, направленный на выработку самоконтроля поведения и создание персоналистической личности европейского типа. На комбинации понятий греха и преступления строится церковный Судебник Ярослава, начало создания которого было положено Уставом князя Владимира Киевского, его отца. «Грех – нравственная несправедливость или неправда, нарушение божественного закона; преступ-

²⁷² Устав Святого князя Владимира, крестившего русскую землю, о церковных судах // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси. – М., 1984. – С. 169–175.

²⁷³ Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. / Т. I–III. – Тула, Приокское книжное издательство, 1990. – С. 234.

²⁷⁴ Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. – М., 1880. – С. 114–116.

²⁷⁵ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Т. 1. – М., Мысль, 1993. – С. 102.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. – М., Правда, 1989. – С. 26–27.

²⁷⁸ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Т. 1. – М., Мысль, 1993. – С. 182.

ления – неправда противообщественная – нарушение закона человеческого», – так объясняет основные принципы составления Судебника Ярослава В. О. Ключевский.²⁷⁹ Соответственно дела, которые подсудны церкви, были подразделены на три категории: 1) дела только греховные, без элемента преступления: волхование, чародейство, браки в близких степенях родства (инцест), развод по взаимному соглашению супругов; 2) дела греховно-преступные: об «умыкании» девиц, об оскорблении женской чести словом или делом, о самовольном разводе мужа с женой по воле первого без вины последней, о нарушении супружеской верности; 3) дела «духовные», касающиеся лиц духовного звания.

При этом отмечался принцип «митрополиту в вине, а князь казнит», т. е. карает. Иными словами, наказывает светская власть, а понятие вины относится к области духовного и непосредственно связано с понятием греховности.

Интересной особенностью является тот факт, что большинство ересей возникает именно по вопросам норм регуляции сексуального поведения – богомилы нападают на институт брака, скопцы отрицают сексуальность в целом. В целом для христианской религиозной традиции характерен репрессивный стандарт сексуального поведения, при этом последний непосредственно увязан с моралью, особенно в отношении женщин. Таким образом, любое отклонение от репрессивного стандарта расценивается как аморальное и греховное.

Социальные институты семьи и брака зависят от политической системы и экономической базы, но не полностью их формируют, решающее влияние остается за типом культуры.

Институт контроля сексуального поведения в рамках церкви складывается из трех компонентов – исповеди, покаяния и причастия. Главной целью исповеди является факт признания недозволенного стандартом поведения и признание вины, а более точно – формирование понятия вины, рефлексия, интериоризация стандарта поведения и, соответственно, воспитание, выработка его самоконтроля. Использование исповеди и покаяния предполагало добровольность со стороны прихожанина. В то же время существовала система воздействия, когда неисповедовавшееся лицо не допускалось к причастию и таким образом исключалось из общественного института, подвергаясь ostracismu.

Разделение светского и духовного не могло не отразиться на формировании противоречий и парадоксов в этих нормативных системах. При этом социальный институт семьи оставался светским по нормативной регуляции, в то время как институт брака становился религиозным, т. е. брак признавался законным после обряда венчания. Так, уже в указах Ярослава «невенчальная» жена признавалась законной при отсутствии жены «венчальной», и развод и с той, и с другой происходил по одинаковым правилам. Светское наказание за «умыкание девицы» полагалось, если она «засядет», не выйдет замуж за своего похитителя. Кроме того, если «умыкание» сопровождалось христианским браком, виновник не подвергался суду, а наказывался вместе с похищенной женой епитимией. Насильственные формы брачного поведения, существовавшие в дохристианской Руси, следует рассматривать как поведение ритуальное, и насилие носит реципрокный характер, в последующем приобретая символическую и консенсусную форму. О существовании понятий чести и достоинства женщины в указанный исторический период ярко свидетельствует другая норма Судебника Ярослава – «обозвавший чужую жену позорным словом платит ей “за срам”».²⁸⁰

Наличие двойного стандарта светского и церковного контроля отражается на понятии и квалификации преступлений. Изнасилование как акт насилия и нападения является предметом государства и охраны личности, как акт сексуальной непристойности – относилось к компетенции религиозной.

---

²⁷⁹ Там же. – С. 222–223.

²⁸⁰ Там же. – С. 232.

Несмотря на указанные особенности, стандарты различия мужского и женского поведения на Руси, как и в других традиционных обществах, являлись преобладающими. «Жены или ценились мало, или также мало ценили своих мужей женщины. Браки редко совершались по любви, взаимного уважения ждать было трудно», – отмечает исследователь В. Г. Иваницкий.²⁸¹ Отсутствие сформированных социальных институтов, типичное для традиционных культур, и отсутствие социальных ролей и статусов как таковых выражаются в том, что дифференцировка мужского и женского стандартов поведения носит, прежде всего, территориальный характер. Для мужчин это внешнее и, соответственно, социальное пространство, у женщин – внутреннее, домашнее. Насильственный захват женщин не является специфической русской традицией, а повсеместно распространен в Древнем мире. Как справедливо отмечают У. Мастерс, В. Джонсон и Р. Колодни, корни насильственного сексуального поведения уходят во времена племенной организации, когда мужчина захватывал женщину из другого племени и приводил в свое племя, после чего охранял как собственность.²⁸² Рассматривая историческую ретроспективу относительно насильственных форм поведения, можно условно выделить три формы, сохраняющие свое значение и актуальность и в настоящее время.

---

²⁸¹ Иваницкий В. Г. Русская женщина и эпоха «Домостроя» // *Общественные науки и современность*. 1995. № 3. – С. 161–179.

²⁸² Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р. *Основы сексологии*. – М., Мир, 1998. – С.432.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.